

Б И Б Л И О Т Е К А

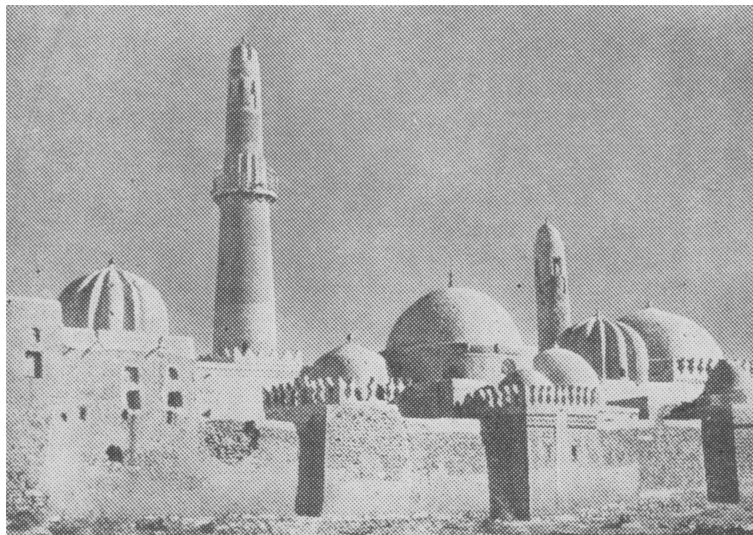
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 45

1983

Олег ГЕРАСИМОВ

ЙЕМЕНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 45

Олег ГЕРАСИМОВ

ИЕМЕНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Олег ГЕРАСИМОВ

Олег Герасимович Герасимов родился в г. Баку в 1935 г.

Окончил восточный факультет Московского государственного института международных отношений. Выступал со статьями в журналах «Огонек», «Вокруг света», «Новое время», газете «Советская Россия», преподавал в Московском государственном университете.

Автор очерковых и публицистических книг по современным проблемам Ближнего Востока, в том числе «10 000 км по Месопотамии», «От гор Синджара до пустыни Руб-эль-Хали», «Саудовская Аравия: из средневековья в XX век», «На ближневосточных перекрестках», «Сумерки Каира» и других.

Он доктор исторических наук, член СП СССР и действительный член Географического общества СССР.

НА САМОМ ЮГЕ АРАВИИ

На северном берегу Аденского залива, там, где Азия и Африка разделены лишь узким проливом с характерным названием Баб-эль-Мандеб — «Ворота рыданий», — на тысячу с лишним километров на восток протянулась Народная Демократическая Республика Йемен. Это прогрессивное арабское государство создано в 1967 году на обломках английских протекторатов Южной Аравии, хотя история этого района исчисляется тысячелетиями, а события из жизни населявших его народов нашли свое отражение в Библии и трудах древних географов. Англичане, которые до 1967 года осуществляли политический контроль над Южным Йеменом, делали все возможное, чтобы принизить значение национальной культуры йеменцев и преуменьшить их вклад в мировую цивилизацию. И только сейчас йеменцы узнают о том, что их мобильные предки, обитавшие в единственной на Аравийском полуострове стране высокой земледельческой культуры, в тяжелые годы засух и военных потрясений отправлялись искать счастья в других, отдаленных странах. Йеменские племена поселились в Сирии и Ираке, в Омане и далекой Мавритании, вместе с бежавшими от преследований представителями династии Омейядов, сидевшей на халифском троне в Дамаске, оказались в южной Испании, где пышным цветом в раннее средневековье расцвела арабоязычная культура. На побережье Восточной Африки и на острове Ява йеменцы издавна живут компактными группами, сохраняя связь со своей далекой родиной.

Удобное положение столицы страны города Адена издавна сделало его важным центром на торговых путях, соединяющих два великих континента — Азию и Африку. Этому способствовала не только глубокая бухта, но и регулярность сезонных ветров и смены дождливой и сухой погоды, наличие постоянных морских течений и обилие товаров, которые могли предложить соседние с Аденом народы. Безымянный египетский купец в своей работе «Перипл Эритрейского моря», написанной в I веке н. э., назвал Аден «приморским селением Счастливой Аравии». Во II веке греческий географ Птолемей писал об Адене как о «рынке Аравии», а арабский

географ X века аль-Мукаддаси утверждал со знанием дела, что «Аден и Сохар — два главных порта в мире...».

Любому путешественнику, прибывшему в Аден морем или самолетом, с первых минут становится ясно, что город и его пригород Бурейка, раскинувшиеся на другом берегу бухты Тавахи, обязаны своим происхождением вулкану. Примерно миллион лет тому назад юго-западное побережье Аравии представляло собой зону активно действующих вулканов. Приметы их деятельности встречаются повсюду: это и кратеры потухших вулканов, и черные лавовые поля, протянувшиеся на десятки километров в Южном Йемене, и даже горячая вода, которая бьет из скважин, пробуренных на побережье. В старом районе Адена, называемом Кратер, в месте, прилегающем к самой высокой двуглавой вершине горы Шамсан, находилось жерло древнего вулкана. Бушующая лава истекала в разные стороны, и сегодня в Адене везде, куда ни бросишь взгляд, поднимаются серо-красные, лишенные растительности скалы с ярко выраженными вертикальными и горизонтальными слоями.

С горы Шамсан открывается незабываемый вид на Аден. Он не имеет единой застройки, и отсюда, с вершины, если встать лицом к порту, в пробивающихся через облака лучах справа виден застроенный еще англичанами район Хормаксар, взлетно-посадочная полоса аэродрома и уходящий дугой на восток песчаный берег залива. Вдали в пастельных тонах вырисовывается Бурейка с нефтеперерабатывающим заводом. Здесь до завоевания независимости в глубоких вырубленных в скалах пещерах англичане хранили атомное оружие. Прямо внизу раскинулась улица Маала с ровными четырехэтажными домами, в которых раньше жили английские офицеры. Англичане называли эту улицу, протянувшуюся на полтора километра, «милей смерти», потому что появление английского томми на улице в вечернее время, особенно накануне провозглашения независимости, часто стоило ему жизни.

Справа от нас раскинулось узкое ущелье, которое сбегает к Кратеру, самому старому кварталу Адена. В VI—VII вв. н. э. нижняя часть ущелья была превращена в естественное водохранилище. Огромные котлованы водосборной системы, вмещающие сорок тысяч тонн воды, могли обеспечить население средневекового города. Это водохранилище состоит из десяти огромных цистерн, соединенных с таким расчетом, чтобы стекающая с гор дождевая вода поочередно сверху донизу заполняла всю систему. Редкие атмосферные осадки бережно собирались в выдолбленные в скалах ямы и поили страдающий от жажды город. В настоящее время эта вода не используется. Но сюда, особенно по выходным и праздничным дням, тянутся жители Адена, чтобы посмотреть на циклопическое творение своих предков

Кратер до начала нашего столетия был торговым и административным центром города. Здесь находились базар, мечети, дворец султана, административные учреждения и казармы. С высоты горы Шамсан видны мощные стены, идущие по гребню скал и делающие Кратер естественной цитаделью. Со стороны моря старый город прикрывает скалистый остров Сира, о котором писали посетившие его в XIV—XV вв. европейцы Гийом Адам и Людивико де Вартема.

В зелени эвкалиптов и акаций городского парка, разбитого около водосборников, спряталось небольшое здание этнографического музея, созданного усилиями безвременно скончавшегося первого йеменского марксиста Абдаллы Баазибя. Здесь собрана коллекция женских костюмов всех шести провинций Южного Йемена, образцы глиняной посуды, серебряные украшения и холодное оружие. В одном из залов стоит ткацкий станок, доставленный из пригорода столицы — Шейх-Османа. Раньше там работало несколько семей потомственных ткачей, но потом мастерская, не выдержав конкуренции с тканями фабричного производства, закрылась, и станок перекочевал в помещение музея. В самом дальнем углу находится небольшая комната, обставленная обычным для аденских гостиных образом: на полу циновки и тонкие ковры, у стен — тюфяки и продолговатые плотные подушки — подлокотники. Здесь же курильница для благовоний, сундучок с маленькими чашечками для арабского кофе, высокий бронзовый кальян с трубкой, обшитой красной материей.

Кратер населен мелкими торговцами, рыбаками, рабочими порта, механических мастерских и другим трудовым людом. Летом солнце жарит немилосердно, от асфальта поднимается густой запах восточных благовоний, человеческого пота, гниющих отходов. Воздух такой густой и плотный, что кажется, его можно потрогать руками. Кратер считается нездоровым районом, сюда не долетает океанский бриз.

Приметы нового видны и в древнем Кратере. Вот здание Военного музея, экспонаты которого рассказывают об освободительной борьбе народа Южного Йемена против английских колонизаторов и их феодальных приспешников. Среди его экспонатов оружие, которым воевали патриоты, и большая карта вооруженного восстания в Радфане 14 октября 1963 года, послужившего искрой для выступления. Его подняла группа представителей племен во главе с шейхом Лабуза, принимавшим участие в борьбе с монархистами на стороне республиканского режима в Северном Йемене. Там, в Северном Йемене, Лабуза и его сторонники получили необходимую политическую и военную закалку, узнали своих противников и союзников. Именно искры в Радфане было достаточно, чтобы тот горячий материал — ненависть к колонизаторам и их марионеткам, национальный гнет — вспыхнул ярким пламенем, в котором сгорели

и колонизаторы и их пособники. В стоящем на скалистом бугре англиканском соборе с высокими стрельчатыми окнами, где в период колониального господства английские томми получали благословение на расправу с местными патриотами, сейчас размещается Центр научных исследований НДРИ. Йеменские ученые старательно собирают здесь древние рукописи и документы, рассказывающие об истории своей страны, разрабатывают проблемы современной истории. Все это было невозможно при колониальном господстве. Пытаясь обосновать свою «цивилизаторскую миссию», англичане втоптывали в грязь национальную культуру, доказывали, что история Южной Аравии началась лишь в 1839 году, когда лихой капитан Хейнс по заданию Ост-Индской компании обстрелял укрепления острова Сир и захватил Аден. Логика в действиях колонизаторов, безусловно, была — управлять покоренным, невежественным народом легче, чем народом, знающим свою историю и осознающим свое место в мировой цивилизации. Как символ бесславной кончины английского колониализма на юге Аравии у подножия бывшего собора стоит облупившийся невысокий столб, сложенный из грубых камней: памятник английским солдатам, погибшим при штурме Адена в 1839 году. Машины стремительно мчатся мимо по шоссе, безучастно проходят мимо деловые йеменцы. Лишь несколько пестрых коз трутся боками о всеми забытый и никому не нужный памятник.

Но старое неохотно уступает место новым идеям и веяниям. Во время моей прогулки по Кратеру шум движения автомашин и говорливой толпы вдруг перекрывают гнусавые возгласы муэдзина, призывающего мусульман на вечернюю молитву. Разносимые черными раструбами мощных динамиков, они настойчиво призывают принять участие в молитве во имя Аллаха и его пророка Мухаммеда. Через несколько минут из тех же динамиков несутся нестройные ломкие голоса мальчишек, которые хором повторяют за наставником слова о милости Аллаха к тем, кто исполняет его заветы, и наказании тех, кто ими пренебрегает.

Основная бухта, где сегодня бросают якорь океанские корабли, называется Тавахи по имени небольшой рыбацкой деревушки, существовавшей здесь до прихода английских колонизаторов. Англичане называли этот район Кресент, то есть Полумесяц, видимо, потому, что в центре был разбит небольшой парк, вокруг которого полумесяцем вытянулись лавки, торговые склады и богатые магазины. В одной из аллей этого парка в 1961 году, когда я впервые посетил Аден, находился позеленевший от патины памятник английской королеве Виктории: дородная матрона, сидевшая на троне, презрительно смотрела на суетившийся у ее ног город, завоеванный в период ее правления. После провозглашения независимости памятник убрали и рядом, в нескольких десятках метров, соорудили примитивную стелу в память погибших борцов революции. Правительству Юж-

ного Йемена предстояло решать сложные проблемы внутривосточного развития страны, вырабатывать планы улучшения экономического положения и культурного строительства, и поэтому сооружение символа своей победы и жертв во имя революции отодвигалось на второй план.

Но сегодня дело изменилось. Советские скульпторы Юрий Нерода и Валентин Петербуржцев создали проект памятника Неизвестному солдату, который сооружен на площади перед старой колониальной гостиницей «Кресент отель». Памятник представляет собой двадцатипятиметровую арку, облицованную белым известняком. В проеме свода установлена композиция из бронзы — мать, оплакивающая погибшего сына-воина. На московском камнеобрабатывающем комбинате было выточено около четырех тысяч фрагментов из камня — яркие разноцветные гранитные плиты и облицовочный известняк. Я был в Адене в феврале 1982 года, когда йеменцы и прибывшие из Москвы специалисты собирали этот мемориал — дар советского народа народу демократического Йемена. Наши мастера с большим искусством арабской вязью выгравировали вещи слова: «Вы были авангардом. Ваш подвиг останется в веках символом борьбы южнойеменского народа».

В 1961 году Тавахи жил бурной жизнью. Многочисленные лавки были забиты японской радиотехникой, кино- и фотоаппаратурой и другими товарами на потребу европейским туристам и морякам с проходящих мимо кораблей. Аден, бывший в то время «свободным портом», демонстрировал лучшие образцы обслуживания тех, кто попадал сюда с толстым кошельком. Здесь же, на пяточке Тавахи, кроме лавок и магазинов, был публичный дом, клуб моряков с барами и ресторанами, несколько церквей для верующих всех вероисповеданий. Сегодня здесь тихо. Несколько лавок с радиоприемниками да сувенирами. Остальные завешаны плотными металлическими шторами и, по-видимому, уже давно не открывались. Кое-кто из европейцев, работающих сейчас в Адене, нет-нет да и вспомнит с грустью «золотые времена», когда в Тавахи кипела жизнь.

Да, были дни, когда английская колония Аден, «свободный порт», приспособленный для обслуживания иностранных туристов и двадцати тысяч английских солдат, обосновавшихся на самой большой в то время военно-воздушной и военно-морской базе Великобритании, жила бурной жизнью. Но жизнью, отдельной от остальной страны, которая стонала под каблуком английских колонизаторов. Сейчас туристов значительно меньше — Аден перестал быть «свободным портом», а последний английский солдат покинул территорию Южного Йемена в ночь с 29 на 30 ноября 1967 года. Я бывал в Адене в эти «золотые времена» и могу сказать, что ни разу не видел на улицах Кресента, Мааллы, Маашика и других богатых районов города местных жителей. Существовавшие впроголодь, испытывающие уни-

жения от своих султанов, эмиров и шейхов и стоящих за их спиной англичан, они думали о том, чтобы удовлетворить свои повседневные потребности. Им не были нужны французская косметика и японская радиотехника, английские тостеры и американские консервы. Попав в этот чужой по существу для них город, перенаселенный иностранцами, они спешили побыстрее выбраться в свой родной оазис или на побережье, в рыбацкую деревушку. Большинство народа демократического Йемена — это простые труженики, и для них ликвидация «свободного порта» Аден, где им не находилось места, прошла психологически безболезненно и совершенно незаметно.

Пусть сейчас большинство лавок закрыто, и полуголые, изнывающие от влажной жары туристы не бродят толпами по переулкам Тавахи и Кратера. Но я вижу и радуюсь тому, как небольшие стайки чисто одетых в форменные платья детей — девочек и мальчиков — спешат в школу. Вижу одетых в аккуратные брючные костюмы учениц старших классов с кокетливо подведенными глазами, возвращающихся с курсов по подготовке кадров, организованных местным комсомолом — Союзом молодежи Демократического Йемена. Вижу ребят десяти — двенадцати лет, с серьезным видом регулирующих уличное движение в городе, переводящих через дорогу стариков и немощных женщин. Это уже новое поколение, выросшее после получения независимости в ноябре 1962 года. Что им до скорби затаившихся буржуев, тоскующих об ушедших в прошлое временах! У них впереди новая интересная жизнь в свободной, независимой стране, строящей свое будущее на основе принципов научного социализма.

По совету наших йеменских друзей мы едем в третью провинцию, одну из шести провинций страны, для знакомства с первым рыболовецким кооперативом. Автомашины мчатся по темной ленте асфальтированной дороги, поднимая за собой шлейфы тонкого, с блестками слюды, песка, который надудло на асфальт с побережья. Первые двадцать километров дорога идет в двухстах метрах от моря, а затем мы сворачиваем к линии прибоа и почти упираемся в несколько ветхих, полуразрушенных домов. Здесь проходила граница между бывшей английской колонией Аден и южнойеменским султанатом Фадли. Развалившиеся здания — помещения таможи, где чиновники султана исправно собирали пошлину со всех товаров и мзду с каждого человека, покидавшего султанат или прибывавшего туда.

Через полчаса после выезда из Адена мы попадаем в Абьянскую дельту. Три небольших городка Зинджбар, Куд и Гаар слились практически в одно поселение. Во время обильных летних дождей в горах Северного Йемена в этом месте в сторону моря сбегают мутные потоки дождевых вод, которые и послужили причиной возникновения оседлых поселений еще в глубокой древности. Именно здесь была обнаружена первая и пока единственная в Южном Йемене стоянка человека каменного века.

Высокие финиковые пальмы, заросли бананов, рощицы дынного дерева папайи с повисшими на тонком стволе темно-зелеными плодами тянутся вдоль дороги сплошной полосой. В 1947 году здесь была разбита первая хлопковая плантация, и в городе Куд сейчас находится единственный в стране хлопкоочистительный завод. Сегодня паводковых вод не хватает, и дельта Абьяна усеяна небольшими, окрашенными в белый цвет стержками, закрывающими пробуренные артезианские скважины. Слегка солоноватая вода поступает с глубины пятидесяти — восьмидесяти метров, и температура ее достигает в отдельных местах тридцати пяти — тридцати семи градусов выше нуля. В недрах земли бушует лава, и подводный вулкан, выплеснувшийся миллион лет тому назад в море и образовавший скалистый остров, на котором впоследствии возник город Аден, все еще не успокоился.

В Южной Аравии, на побережье Аденского залива уровень солнечной радиации в семь раз превышает уровень радиации в Москве или Минске. Плодородная аллювиальная почва, обилие влаги, тепла и солнца приводят к тому, что вегетативный период растений здесь значительно сокращается по сравнению с умеренными широтами. Арбузы здесь вызревают за шестьдесят дней, и потому в течение года даже с учетом времени, необходимого для обработки почвы, можно получить три урожая арбузов и один урожай клевера на корм скоту.

Уже после возвращения из Адена в апреле 1982 года я узнал, что обильные дожди, выпавшие в горах Северного Йемена, привели к сильному селевому паводку. Огромная масса воды смыла мосты, дамбы, смыла плодородный слой с полей в море, выворачивала с корнями финиковые пальмы и ломала, как спички, хрупкие стволы дынного дерева папайя. Один из этих паводков прошел именно здесь, по сухому руслу Бана, которое лишь раз в десять — двадцать лет наполняется водой и достигает моря. Стихийное бедствие не только причинило огромный материальный ущерб НДРИ, но и унесло несколько сотен человеческих жизней. Зинджибар — центр третьей провинции НДРИ. Здание губернаторства, бензоколонка, ряды лавок на центральной улице, мечеть, продолговатое здание рынка, к стенам которого прилепились мастерские двух ремесленников: кузнец делает мотыги, серпы и другой сельскохозяйственный инвентарь, столяр сколачивает лавки и табуретки из досок разобранных ящиков. В городе видны приметы новой жизни — при выезде из Зинджибара в сторону Шукры построены трехэтажные здания, в которые переселились бедняки, жившие до этого в шалашах из травы и кукурузной соломы.

Всю дорогу мне не дает покоя вопрос: почему название этого городка Южного Йемена созвучно острову пряностей Занзибар, лежащему у восточного побережья Африки? В голову приходят различные объяснения и версии, о которых приходилось читать и слышать от арабских собеседников. Наиболее распро-

страненное объяснение названия дальнего острова восходит к двум словам древнеперсидского языка: «занг», что значит «негр», и «бар» — «берег». Отсюда пошли и созвучные древнеперсидскому арабские слова: на арабском «негр» звучит как «зиндж», а слово «бар» употребляется в значении «материк», «суша». Указанное сочетание в применении к острову пряностей мы встречаем у греческих, арабских и европейских географов. Византийский купец и путешественник Косма Индикоплов в своей «Христианской топографии» говорит о море Зиндж и стране Зингиум. Арабские географы Масуди, аль-Бируни, Ибн Батута и другие говорят о Восточной Африке как о стране зинджей. На заре торгового мореплавания арабы и персы совместно бороздили воды Индийского океана, и поэтому не случайно, что некоторые слова в морской терминологии арабов являются персидскими по происхождению. Арабы называют персидскими словами распространенный в Южной Аравии тип одномачтового парусного судна — «самбук», инструкцию по управлению парусами — «дафтар», порт — «бендер», а капитана — «нохаза».

В период расцвета работорговли слово «негр» было синонимом слова «раб». По-видимому, расположенное на берегу бухты Абьян поселение было одним из перевалочных пунктов работорговцев, где выгружали живой товар, переправлявшийся затем в глубь Йемена. Ведь долины, по которым сбегает с гор дождевые потоки и сели, всегда были и дорогами, ведущими с побережья в глубь страны и обратно. По другой версии это название дали городу арабские капитаны, которые после утомительного плавания вдоль пустынных берегов Южной Аравии добирались до зеленого оазиса, так напоминавшего своей тропической растительностью остров пряностей Занзибар, последний пункт их морских переходов на побережье Восточной Африки. Йеменцы, с которыми мне довелось беседовать в Адене на эту тему, поддерживали то одну, то другую версию. Однако все они сходились на том, что южнойеменский город Зинджибар был центром выгрузки рабов с кораблей, следовавших из Восточной Африки вдоль побережья Аравии в Персидский залив и что именно название Зинджибар за этим населенным пунктом закрепилось с XVII века, т. е. в период наиболее активной работорговли в этом районе.

В дельте Абьяна действительно больше, чем в других местах Южного Йемена, можно встретить лиц с признаками негроидной расы. В Йеменской Арабской Республике, другом йеменском государстве, называемом зачастую просто Северным Йеменом, и сейчас эти лица, называемые «ахдам», находятся в самом низу социальной лестницы. В Южном Йемене до получения независимости их называли «худжур», и их положение не отличалось от северийеменских «ахдамов». Однако сейчас положение изменилось. В Южном Йемене это обидное слово почти не употребляется, а в армии и государственных учреждениях можно встретить немало занимающих важные посты лиц из этих некогда гонимых и отверженных.

Мы минуем Зинджибар и продолжаем свой путь по асфальтированной, прямо положенной на грунт дороге на город Шукру, конечный пункт нашей поездки. Дорога то взбегает на невысокие холмы, то спускается в низины. Вокруг песчаные дюны, заросшие низкой жесткой травой и невысокими деревьями с зонтичными кронами и острыми парными колочками у каждого листа. Слева в дрожащем мареве горячего воздуха поднимается гора Аркуб, а за ней, как задний план театральных декораций, горы Яфи, где находился один из центров повстанческого движения. Прямо у отрогов горы Аркуб видны с дороги черные огромные пятна лавовых полей, перемежающихся дюнами желтого чистого песка.

Шукра с населением в три тысячи человек по южноафриканским масштабам считается уже большим городом. До 1967 года она была «столицей» султана Фадли, хотя следы былого пребывания султана здесь найти нелегко. Несколько глинобитных домов султана и его приближенных не производят никакого впечатления. И это понятно. Султан постоянно жил в Зинджибаре или Адене, более благоустроенных городах, чем пыльная Шукра.

28 апреля 1970 года рыбаки Шукры захватили лодки и сети, принадлежащие хозяевам-нохаза, прогнали перекупщиков и ростовщиков и образовали первый в стране рыболовецкий кооператив. Я вспоминаю беседу с его председателем Али Османом, человеком лет тридцати, рассказывающим о кооперативе, в котором сейчас состоит девяносто рыбаков.

— Рыбаки не имели своих лодок и сетей и нанимались к хозяину. Выловленная рыба сразу делилась поровну, и нохаза забирал одну половину в качестве арендной платы за лодку и сети. Затем двенадцатую часть улова вычитывал за мотор, если он был установлен на лодке, и еще примерно столько же за то, что вместе с рыбаками выходил в море. Так сказать, за общее руководство, — говорит, улыбаясь, Осман. — После всех расчетов рыбакам оставалось не больше четверти улова. При раскладке на каждого получалось совсем ничего — ведь в каждой лодке выходило в море десять — двенадцать человек. Если к этому добавить, что рыбаки не всегда возвращались с уловом, а на берегу их ждали жены и дети, можно без преувеличения сказать, что рыбаки и их семьи владели полуголодное существование.

Председатель на минуту прерывает свой рассказ для беседы с древним стариком со слезящимися глазами. Это один из семидесяти пенсионеров, которым кооператив оказывает помощь.

— Сейчас у нас двенадцать больших и двадцать три средние лодки, — продолжает Осман. — Одна пятая всего улова отчисляется на ремонт лодок и сетей и приобретение новых. Пять процентов — в страховой фонд. Из этого фонда оказываем помощь старым рыбакам. Из этих же сумм оплатили подвод воды и электричества к созданному

культурному центру, закупили швейные машинки для жен рыбаков. В общем, сейчас у каждого рыбака в месяц получается гарантированная зарплата. Люди довольны и трудятся хорошо, хотя есть свои трудности.

Об этих трудностях я слышал еще в Адене. Собственно говоря, обычные трудности роста, которые были характерны и для наших первых колхозов: как организовать работу и распределение, как учитывать личный вклад рыбака в общее дело, сколько выплачивать нетрудоспособным, где добыть новое оборудование и моторы для лодок и холодильников и другие вопросы. В Адене мне также говорили, что руководство страны знает об этих трудностях и принимает меры для их ликвидации.

Мы спешим на берег моря, куда дружными усилиями три рыбака вытаскивают на берег небольшую лодку с подвесным мотором. На дне лодки лежат около сорока метровых, похожих на полосатое веретено морских щук — барракуд. Эта рыба считается наряду с макрелью и тунцом одной из лучших столовых рыб. Ее ловят на большие крючки, на которые в качестве живца насаживают небольших сардинок. Морская хищница очень сильна, и справиться с нею довольно трудно. Пойманную рыбу подводят к борту, подхватывают багром и втаскивают в лодку.

На песчаном берегу лежат большие лодки со стационарным мотором, средние лодки с подвесными моторами и небольшие лодки — хури, на которых, несмотря на их размеры, йеменцы смело уходят под косым парусом далеко в море. Обшивка самбук делается из тиковых досок, доставляемых с Малабарского побережья Индии, однако шпангоуты, носовая часть лодки и другие детали, несущие наибольшую нагрузку, изготавливаются из желтой древесины местного тамариска, отличающейся необыкновенной прочностью. Хури выдалбливают из целого ствола тика и в случае необходимости наращивают несколько досок на уже выдолбленную основу. Днище лодок покрывают специальной смесью из извести и жира, вытапливаемого из индийской сардины, а днище хури два раза в месяц смазывается снаружи жиром, получаемым из печени акулы, чтобы оно не покрывалось водорослями и не рассыхалось.

Значительное число рыбаков и в городе Шукре с явной примесью негритянской крови. Это, по-видимому, осталось еще от тех времен, когда привозимые из Африки рабы использовались на самых тяжелых работах, были матросами, ловцами жемчуга и рыбаками. В Шукре, как и везде на побережье, они танцуют «дхайф», который исполняется мужчинами и женщинами вечером вокруг костра после возвращения рыбаков с лова под аккомпанемент большого и малого барабанов и небольшой тростниковой дудочки. Танец сопровождается песней на восточноафриканском языке суахили, что явно свидетельствует о его африканском происхождении.

Мы знакомимся с холодильником, принадлежащим Корпорации

рыбных богатств НДРИ, мастерской по ремонту моторов и лодок, складом, на крыше которого на солнце лежат распластанные туши грозных акул. Выловленных акул разделяют на берегу — у них отсекают голову и удаляют внутренности. Затем туши посыпают крупной солью и на три дня раскладывают на солнце. Перед заходом солнца рыбу переворачивают спиной вверх, чтобы ночная роса и влага не испортили продукцию. На четвертый день туши промывают в проточной воде, и вяленая рыба готова. Приготовленное таким образом акулье мясо хранится продолжительное время и всегда находит покупателей как за границей, так и внутри страны, несмотря на сильный неприятный для европейцев запах. Вперемешку с рыбой сушатся и акульи плавники, которые бывают двух сортов — белые и черные, по-видимому, в зависимости от вида акулы. Все акульи плавники идут на экспорт. Рядом со складом замечаю груды белых известковых раковин каракатиц и с удивлением узнаю, что они тоже идут на экспорт и используются для подкормки домашней птицы и в ювелирном производстве.

Наша поездка по небольшому, прилепившемуся к морю городку демократического Йемена заканчивается. Шукра — это прежде всего рыболовецкий кооператив, и везде, куда ни бросишь взгляд, стоит либо помещение его мастерской, либо склад. Рядом со зданием школы поднимается невысокий минарет мечети. Изобретательный служитель прямо у ее стен устроил крошечный огород, и его зеленое пятно, отгороженное от улицы плетнем из пальмовых листьев, резко выделяется на сером фоне замусоренной улицы.

— Нет, в мечеть сейчас ходят одни старики, — отвечает председатель кооператива. — Мало кто верит сегодня в Аллаха и джиннов. Раньше, до независимости, чтобы море было добрее, рыбаки ему приносили жертвы. Бросали в море финики, резали барана и бросали в море мясо. Однако такие жертвы не помогали...

Возвращаясь из третьей провинции, мы заезжаем в пригород Адена — Шейх-Осман. По серому асфальту дороги, теряющейся в дрожащем мареве нагретого за день воздуха, струйками, как поземка, бежит серый песок. Он перекачивается через полотно дороги, сбивается в сугробы у чахлах, чудом выживших в серой пустыне кустарников, обломков камней и скелета разобранной после катастрофы легковой автомашины. Мы минуем Шейх-Осман, протискиваемся по узкой улице мимо одноосных телег, запряженных верблюдами и осликами, мимо раскрашенных желтыми полосами маршрутных такси и грузовиков и выезжаем на дорогу, ведущую в деревню, где гончарные мастера из добываемой тут же глины делают различные декоративные изделия. На рынке Шейх-Османа, на центральной улице Адена и в других местах продаются изготовленные здесь, похожие на греческие амфоры без ручек, сосуды для хранения зерна и воды, большие, похожие на толстые цилиндры, печки для выпечки лепешек, небольшие пузатые бутылки, с которыми йеменки ходят по воде.

Наше знакомство с гончарным производством начинается со встречи с рабочим Али Баггашем. В пятидесяти метрах от собственного дома он снимает тяжелым заступом полтора-два метра верхнего слоя земли и тем же заступом стесывает глину, размельчает ее и заливает водой. Собственно говоря, это не жирная, ищущая на изготовление высококачественных изделий глина, а тощий суглинок, в котором много серого песка. Воду, чуть-чуть солоноватую, достает из колодца тут же, у карьера, с глубины пяти метров. В смоченный водой суглинок добавляет измельченный ослиный навоз, перемешивает состав ногами, закрывает циновкой и оставляет «вызревать» до следующего утра. Поскольку добываемая глина содержит большое количество серого песка и примесей, добавка из ослиного навоза повышает вязкость материала и делает возможным его обработку.

На следующий день рабочий переносит большие комки глины туда, где трудится гончар. В сарае под циновочным навесом работает мастер по имени Мухаммед в застиранных коротких штанах и заляпанной грязью рубашке. В дальнем конце сарая врыт в землю толстый столб, рядом — закрытая мокрой тряпкой глина, ведро с водой, несколько круглых гольшей и толстых дощечек с ручкой. В остальной части сарая сложены уже готовые, ожидающие обжига изделия.

— А где же гончарный круг? — спрашиваю я.

Гончар загадочно улыбается, поскольку, по-видимому, я не первый, который задает этот вопрос, и начинает демонстрацию своего искусства. Он берет круглое, уже обожженное донце, кладет его на врытый в землю столб, затем из куска глины делает толстый цилиндр и осторожно ставит на донце. Смочив заготовку влажной тряпкой и держа левой рукой гладкий камень внутри цилиндра, а в правой — деревянную битку, гончар начинает быстро ходить вокруг изделия, ударами уплотняя стенки. Цилиндр вытягивается, и бесформенный кусок глины превращается в основание большого кувшина. Затем он скатывает толстую колбасу глины, равную по периметру кувшину, накладывает его на готовое основание и вновь начинает работать битой и камнем, наращивает на несколько сантиметров стенки сосуда. Так повторяется пять раз до тех пор, пока сосуд не приобретает очертание готового изделия. Гончар берет обломок обыкновенной расчески, демонстративно продувает его в мою сторону и быстро наносит волнистые линии.

Последний этап работы — обжиг. Он производится тут же, в печи, куда загружаются восемьдесят больших кувшинов. Открытая печь сверху закрывается черепками, а сбоку — двумя металлическими бочками. Сам процесс обжига ведется с соблюдением правил, в которых отразились слагавшиеся веками навыки работы: в течение двух часов поддерживается малый огонь, чтобы изделия лучше

просохли, затем разводится огонь сильный для обжига и поддерживается до тех пор, пока «четыре верблюжьи поклажи хвороста полностью не прогорят». Все отверстия в печи забиты черепками и глиной, однако температура в печи не очень большая, и, когда дует сильный ветер, гончары откладывают обжиг, так как не могут добиться нужной температуры.

В большом складе мы осматриваем уже готовые изделия. При хорошем обжиге, особенно внизу печи, где сильное пламя, стенки сосудов имеют ровный бело-розовый цвет. При плохом или неровном обжиге изделие получается каким-то пестрым: розовые цвета разных оттенков соседствуют с белым и серым, видны налеты и белые выцветы, доказывающие присутствие солей в глине и воде. Я поднимаю несколько черепков: темная полоса с мелкими частицами навоза идет в центре толстого, до конца не спекшегося слоя. В хорошо обожженных черепках все частицы навоза выгорают. Такая малоприятная присадка добавляется в глину, по-видимому, не только для того, чтобы увеличить вязкость, но и повысить капиллярность стенок готового изделия. Ведь кувшины и другие сосуды используются не только для хранения, но и охлаждения воды: поднимаясь по капиллярам стенок сосуда, капельки воды испаряются с поверхности и охлаждают ее на несколько градусов. Такие «потешные» на жаре сосуды я встречал в городах, на базарах, стоянках такси и автобусов не только в Йемене, но и других странах Ближнего Востока.

Наш визит к гончарам прерывается несколько неожиданно. Появляется хозяин склада, а с ним возница с телегой, в которую впряжен верблюд. Начинается быстрая погрузка. Из разговора и отрывочных реплик я узнаю, что завтра в порт Джибути уходит самбука и еще сегодня нужно успеть оформить документы, погрузить отправляемые туда горшки. Гончары суетливо бегают от склада до телеги и обратно, и лишь возница, йеменец средних лет, в одной навернутой на пояс юбке, не принимает участия в суете. Он держит верблюда за узду и, успокаивая, ласково гладит его по замшевому, капризно морщащемуся носу.

Но вот погрузка закончена, и гончар подходит к нам, стоящим в стороне советским ученым-востоковедам. За разговорами мы не успели представиться, и только сейчас он узнает, что его собеседники — из Советского Союза.

— Мой сын служит в армии, — говорит Мухаммед. — Он окончил школу, много читает и рассказывает мне и своим младшим братьям и сестрам о вашей стране, о Ленине, о вашей революции. Я простой человек, только недавно научился читать и писать, и многого не знаю. Но вижу и чувствую, что наша жизнь с каждым годом становится лучше. И в этом заслуга не только нашего руководства, но и наших друзей из Советского Союза.

Мухаммед на минуту задумывается и продолжает:

— Жизнь наша была бы лучше, если бы нам не мешали. Так говорит мой сын. И я тоже так думаю. Среди тех, кто нам пытается помешать, и бывшие султаны, и эмиры, которые ушли вместе с англичанами, и те, которые сегодня хотят войны. Мой сын солдат, но я не хочу, чтобы он воевал и погиб. Пусть лучше делает горшки для зерна и воды, которые всегда пригодятся людям.

Действительно, у молодой республики на юге Аравии немало врагов. В начале 1982 года в Адене была арестована группа диверсантов, которые прошли подготовку за границей. На состоявшемся в апреле 1982 года суде они показали, что в их задачу входило убийство активистов Йеменской социалистической партии, отравление колодезей в оазисах и на побережье, взрыв бензоколонок и других объектов. Но диверсанты, их инструкторы и хозяева просчитались: группа была арестована и предстала перед судом, материалы которого красноречиво свидетельствуют, кто поддерживает террористов и сеет смуту и раздор в этом районе Ближнего Востока. Все эти рыцари «плаща и кинжала» из ЦРУ, спрятавшиеся за кличками «Билл», «Джон», «Майкл» и другие, по-видимому, чувствовали себя весьма неудобно, когда читали опубликованные в арабской печати признания своих провалившихся учеников.

Мухаммед чинно прощается за руку и идет в свой сарай делать горшки. И я невольно думаю, как простой йемец, только что научившийся читать и писать, всю жизнь не выезжавший за пределы Шейх-Османа, выразил точно мысль, которая волнует людей доброй воли во всех уголках земного шара — и в Советском Союзе и в демократическом Йемене, небольшой прогрессивной арабской стране на самом юге Аравии.

Отношения между СССР и НДРИ характеризует не только единство взглядов на основные проблемы современности. Эти отношения охватывают вопросы политического и экономического сотрудничества, вопросы межпартийных связей между КПСС и Йеменской социалистической партией. Не случайно все южнойеменцы, с которыми мне приходилось беседовать, при оценке наших отношений непременно ссылались на Договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный между Советским Союзом и НДРИ в 1979 году, символизирующий стремление народов СССР и Южного Йемена и дальше идти по пути развития политического и взаимовыгодного экономического сотрудничества во всех областях.

Советские специалисты сегодня работают практически во всех уголках Южного Йемена. С момента установления дипломатических отношений с нашей помощью построено девять водозаборных плотин, прорыто около ста километров оросительных каналов, возвращено земледельцам семь тысяч гектаров плодородных земель, отвоеванных у пустыни и солончаков. Созданный с нашей технической помощью

рыбоконсервный завод в районе Мукаллы, административном центре пятой провинции страны, выпускает отличные консервы на экспорт и для местного потребления. Сотрудничество СССР с Южным Йеменом приобретает все более комплексный характер, охватывает сегодня не только производительные отрасли, но также транспорт, энергетику, разведку полезных ископаемых, подготовку национальных кадров. Наша помощь обеспечивает развитие государственного сектора, который является ведущим в экономике страны и определяющим при решении важнейших народнохозяйственных задач.

Мне довелось быть в Адене, когда здесь на базе Национального фронта, местной марксистской организации и группировки партии Арабского социалистического возрождения, перешедшей на позиции марксизма, создавалась Йеменская социалистическая партия. Этот процесс был непростым. Йеменским товарищам приходилось преодолевать не только подозрительность и недоверие, существовавшие между членами различных политических группировок, но и отбивать нападки арабской реакции, империалистических агентов и недальновидных политиков из числа арабских националистов, считавших научный социализм неприемлемым для арабского мира. Сейчас Йеменская социалистическая партия, созданная в 1978 году, успешно работает во имя строительства нового общества в Южном Йемене, подтверждая универсальность марксистско-ленинских идей, их всепобеждающую силу.

В ДОЛИНЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НЕБОСКРЕБОВ

На маленьком самолете авиакомпании демократического Йемена я лечу в Хадрамаут, пятую провинцию демократического Йемена. С высоты видна небольшая, расчищенная бульдозерами площадка аэродрома Гураф, куда прибывают все самолеты, следующие в Хадрамаут. Еще несколько минут, и самолет мягко коснется посадочной площадки. Я суетливо озираюсь по сторонам, стараясь охватить взглядом видимые в дрожащем мареве осыпавшиеся берега древней реки, пассажиров, прибывших со мной одним рейсом, и встречающих их родственников, праздную публику, приехавшую сюда, к прилету самолета. Сейчас февраль — первый весенний месяц по местному календарю. Зимние холода позади, и теплое утреннее солнце, находящееся к десяти часам утра почти в зените, заливает ярким светом пестро одетую толпу за проволочным ограждением и разноцветные машины, готовые принять пассажиров в Сейюн, Терим и Шибам. Температура около двадцати пяти градусов, воздух сух, напоен запахом цветущих трав и стрекотом цикад. Солнце привлекает, и пассажиры стремятся встать в тень крыла самолета или побыстрее оформить багаж, чтобы выбраться с аэродромного поля.

В город Сейюн я еду в компании двух йеменцев. Шофер, молодой парень, сидящий как-то боком, видимо, потому, что на первом сиденье легкой автомашины здесь обычно размещаются два пассажира, быстро ведет автомобиль по мощной булыжником дороге. По обочинам попадаются небольшие строения с куполом — сикая. Выезжающие за границу хадрамаутцы, которым удалось разбогатеть, жертвовали деньги на сооружение этих строений с большими глиняными кувшинами внутри, откуда путники во время долгих пеших переходов черпали кружками воду и отдыхали в тени куполов часовен. В настоящее время самый последний бедняк предпочитает проехать из одного города в другой на автомашине, чем идти целый день пешком. Поэтому большинство сикая запущены: штукатурка облупилась, побеленные известью снежно-белые купола потрескались, а ступеньки, ведущие к кувшину с водой, разрушились. Сейчас уже никто не строит сикая, хотя хадрамаутцы продолжают выезжать за границу, и многие из них живут в достатке. Какой смысл создавать эти сооружения, когда большие расстояния теперь можно быстро преодолевать на автомашине?

Действующие сикая стоят, как правило, у колодцев. Подпочвенные воды находятся здесь на глубине двадцати—тридцати метров, поэтому колодцы роют вручную. Сейчас у каждого колодца работает дизельный движок, вращающий через ременный привод насос. А всего несколько лет назад специальное оросительное сооружение для подъема воды — большой кожаный бурдюк с веревкой, перекинутой через колесо, служило основным способом орошения в Хадрамауте. Найти такую действующую сенаву сейчас столь же трудно, как увидеть телегу в городе, полном автомашин.

Бесконтрольное употребление в последние годы механических насосов в Хадрамауте привело к истощению подпочвенных горизонтов воды. Если в течение двух лет в Северном Йемене не бывает дождей, за счет которых пополняются запасы грунтовых вод, их уровень в колодцах резко снижается. Хадрамауту угрожает засуха. Поэтому по просьбе правительства НДРЙ советские специалисты, прибывшие из Узбекистана и Краснодарского края, провели гидрологические исследования и под каменным ложем древней реки обнаружили на глубине восьмидесяти—ста метров новые богатые горизонты хорошей по качеству воды. Сейчас засуха не угрожает Хадрамауту, а введенные народной властью положения регулируют сооружение новых колодцев и расход воды.

Вдоль дороги на Сейюн мелькают рощи финиковых пальм, зеленые квадраты клевера, созревающие поля пшеницы, ржи и ячменя. Странно видеть картину русской природы: среди поля стоит чучело — набитая соломой старая рубаха, чтобы отпугивать начальных воробьев и жирных голубей, лениво взлетающих перед автомашиной. Иногда на созревающей ниве можно увидеть женщин и ребятишек, которые ловко мечут в птиц пращей камни.

Город Сейюн раскинулся на южных склонах хадрамаутского сброса у выхода неширокого сухого русла Ясма в долину Хадрамаута. Собственно городом здесь называется центральная площадь с большим семиэтажным дворцом бывшего султана Касири. Сюда я и направляюсь, окруженный толпой ребятишек и зевак. К появлению европейцев на улице Сейюна сейчас почти привыкли. Здесь трудится многонациональный коллектив специалистов из Советского Союза, палестинцы, сирийцы и др. Один палестинец, работающий учителем, сказал мне, что раньше его выход на улицу в Сейюне в сопровождении жены, одетой в европейское платье, вызывал изумление толпы и улюлюканье мальчишек.

После провозглашения в 1967 году независимости английских протекторатов Южного Йемена султан бежал в Саудовскую Аравию. Сейчас на первом этаже дворца расположен полицейский участок. Мне разрешают осмотреть дворец, и в сопровождении офицера я поднимаюсь по высоким ступеням к массивной, украшенной резьбой двери, ведущей во внутренние покои.

Многочисленные, похожие друг на друга комнаты с окнами без стекол, закрываемые лишь резными ставнями, побелены известью. На полу валяются бумаги, пожелтевшие от солнца и времени. Поднимаю одну из них. В договорном документе сообщается, что на плантации финиковых пальм, принадлежащих султану, работает крестьянин, который «за три ратла¹ фиников в неделю или за двенадцать ратлов в месяц» обязан раз в неделю поливать пальмы, прорывать оросительные каналы, обрабатывать земли вокруг пальм и охранять плантацию. Другая пожелтевшая бумага, датированная 10 ноября 1944 года, представляет собой договор на аренду земли, принадлежащей мечети: одну треть урожая получает султан, другую — мечеть и последнюю треть — крестьянин. Договор составлен по всем правилам и скреплен сверху подписью представителя мечети и султана — знатные люди в Хадрамауте всегда ставили подпись сверху документа, — а в самом низу — жирный отпечаток большого пальца крестьянина.

В Сейюне туристы — редкие гости, и поэтому здесь нет специализированных магазинов или лавок, где можно приобрести какое-нибудь старинное изделие. Однако в ювелирных лавках можно купить старые монеты из рассыпавшихся монист или национальные кинжалы — джамбии в дорогих серебряных ножнах. В лавке старьевщика вы найдете тяжелые медные браслеты, от которых теперь, преодолевая груз традиций, начинают отказываться женщины Хадрамаута; старое кремневое ружье с обитым кожей прикладом; турецкую саблю; замысловатый металлический или деревянный замок, сделанный местными ремесленниками. В лавках Сейюна я видел старые тульские самовары, но здесь они не антикварные изделия, а предметы первой

¹ Ратл равен 450 г.

необходимости. Южная Аравия еще до революции считалась импортером русских самоваров, которые попадали сюда через Турцию и Иран. Собственно, и название этого столь необходимого приспособления для чая звучит совсем по-русски «самавар». Ведерный самовар тульских заводов братьев Баташовых стоит здесь двадцать динаров — сумма очень большая для простого человека. Поэтому в Сейуне из жестяных банок из-под керосина и рагистельного масла изготавливают местные «самовары», называемые бухур. Это фактически простой кофейник, в середину которого вставляется трубка, куда насыпают горящие угли. Воздух поступает через небольшое отверстие трубки, и угли ярко горят в этом нехитром изделии хадрамаутских ремесленников.

...Мы едем в город Шибама, известный своими глиняными небоскребами. Мощенная камнем дорога петляет между деревянными и небольшими городками, застроенными однообразными двух- и трехэтажными домами. Сразу за пригородом проезжаем город Гарис с развалившимся феодальным замком, расположенным у подножия горы, и белоснежным куполом мавзолея мусульманского проповедника. Все дома прячутся за высокими и толстыми заборами — дувалами, сделанными из саманных кирпичей и утрамбованной земли. У меня такое впечатление, что я еду по Узбекистану, по его маленьким городкам с узкими ущельями улиц, куда выходят калитки спрятавшихся за дувалами домов. Только огороды да пальмовые рощи, вынесенные за ограду, меняют впечатление: здесь в отличие от Узбекистана, куда ни бросишь взгляд, всюду пальмы, пальмы, пальмы. Вся долина Хадрамаута, как в рамке, обрамленная отрогами гор, кажется большой плантацией, где растет около миллиона пальмовых деревьев. В Хадрамауте крестьяне практически используют все, что можно получить от финиковой пальмы. Собранные осенью финики очищают от косточек, тщательно перемешивают их в однородную массу и заполняют большие глиняные кувшины для хранения впрок. Бедуины набивают финиками козий бурдюк и возят его с собой как неприкосновенный запас. Крестьяне толкут косточки в ступе и скармливают скоту. Из волокон ствола пальмы делают веревки, из пальмовых веток после соответствующей обработки также скручивают веревки. Сучки, остающиеся после обрубки веток, служат топливом. Что касается самих листьев пальмы, то они идут на изготовление циновок, предметов домашнего обихода, на топливо. Даже исчисление меры площади в Хадрамауте связано с пальмой. Большая длинная ветка пальмы с листьями, называемая «джарида», равняется в среднем трем метрам. Одна джарида в длину и одна джарида в ширину дают меру площади — «матыра».

Поэтому стоит ли удивляться тому, что йеменский крестьянин в Хадрамауте от зари до зари кропотливо трудится в своей пальмовой роще, любовно ухаживая за крошечными пальмами, ежедневно обрабатывая землю вокруг двух- и трехлетних деревьев и взбираясь

по сучкам на взрослую пальму, чтобы очистить ее крону и осторожно удалить обломанные ветром или птицами веточки с еще не созревшими финиками.

Шибам издревле играет важную роль в здешней торговле, и недаром местное население называет его «глазом и хребтом» Хадрамаута. Дома Шибама поднимаются из песка, образуя гигантскую квадратную глыбу. Фасады десятков домов сливаются в одну монолитную стену. На протяжении веков эта область была ареной кровавых схваток, и жители городов спасались от опустошительных набегов кочевников и враждовавших между собой султанов в своих небоскребах. Проникнуть в город можно только через одни ворота, которые закрывались с наступлением сумерек.

Мы поднимаемся по крутому холму вверх, к воротам, ведущим в Шибам. Сразу за входом, направо, стоит бывший султанский дворец, в котором сейчас расположились представители народной власти и Йеменской социалистической партии. Мы ходим по пустым комнатам запущенного дворца, любимся резными решетками, массивными дверями. Глава местной администрации, именуемый здесь «маамуром», уместается со своим немногочисленным штатом в двух-трех комнатах. А остальные пустуют, покрываются пылью и разрушаются под неумолимым воздействием времени.

Рядом с мечетью, построенной на средства семьи богатого купца Баабед, поднимается его восьмизэтажный дом. По приглашению хозяина, с которым мы оказались попутчиками в автомашине с аэродрома в Сейюн, мы переступаем его порог и через искусно сделанную дверь попадаем в вестибюль, откуда лестница с земляными высокими ступенями ведет в большую комнату для приема гостей. Как правило, это помещение с балконом или же хорошей вентиляцией через окна, прямо перед которыми устраивается место для наиболее почетных посетителей. В комнатах нет мебели. У состоятельных людей ее заменяют ковры, а у бедных — пальмовые циновки. Рядом с гостиной находятся кухня и туалетная комната. Кухня представляет собой небольшое помещение с возвышением для очага, а туалет — комнату с цементным полом, большими глиняными кувшинами воды и водостоком, выходящим наружу деревянным желобом. Остальные комнаты небоскреба похожи друг на друга: белые стены с многочисленными нишами, закрытыми резными деревянными дверцами, цементированные полы, окна без стекол, но закрытые снаружи двустворчатыми деревянными ставнями с мастерски сделанной резьбой. Ремесленники Хадрамаута известны в Аравии как искусные мастера резьбы по дереву, и поэтому нет ничего удивительного в том, что лучшими образцами своего искусства они украшают свои жилища. Среди орнаментов преобладают арабески: геометрические фигуры, растения и редко животные, так как основатель ислама пророк Мухаммед, борющийся с идолопоклонством, запретил изображение живых существ.

Массивные, украшенные кружевом ручной резьбы двери достойны любого дворца, но и в Шибане и в других городах Хадрамаута они порой украшают глинобитные скромные дома. Дверь — гордость хозяина дома. Часто с нее начинают строить дом: ставят дверную раму и затем уже сооружают стены дома, потолок и все остальное. Красивый вход в жилище — символ гостеприимства. На двери прикрепляют медное кольцо и колотушку, сообщающую обитателям дома о чьем-либо приходе. С незапамятных времен хадрамаутцы используют деревянные замки, называемые «калуда». Замок изготовляется в виде грубо сколоченного креста, и некоторые йеменцы утверждают, что такая форма была навязана им несколько веков назад португальцами, захватившими некоторые пункты на побережье. Ключ деревянного замка похож на зубную щетку с палочками вместо щетины, расположенными в строго определенном порядке. Ключ вставляется в щель, скрытую в одном из дверных украшений. Палочки ключа попадают в соответствующие отверстия и поднимают штифты, после чего засов можно отодвинуть. Первый раз разгадать секрет запора почти невозможно: слишком все это устройство не похоже на общепринятые замки и ключи. На одном ключе я насчитал 16 зубьев, расположенных в замысловатом порядке. Подобрать ключ к такому замку практически невозможно, и поэтому в случае его утери лучше сменить замок.

Основным строительным материалом для небоскреба служит обыкновенная земля, которую перемешивают с соломой, собираемой на току после обмолота пшеницы и ячменя. Землю и солому тщательно перемешивают с водой люди или погоняемые животные в специально вырытой яме. Полученную смесь раскладывают на ровной площадке в виде большого каравая, который затем «нарезают» доской или специальной формой на равные прямоугольные кирпичи. Такие кирпичи оставляют на солнце на две недели, после чего их складывают штабелями около выбранного для строительства места. Когда кирпичей заготовлено достаточно, вырывают яму для фундамента. Высокий дом должен иметь прочный фундамент, поэтому его делают из крупных камней, скрепляемых чистой глиной и укладываемых на несколько метров вглубь. Для трехэтажного дома, например, достаточно углубить фундамент на полтора метра, причем примерно на полметра каменный фундамент выводится на поверхность. Выстроенный дом, особенно многоэтажный, похож на высокую, постепенно суживающуюся кверху усеченную пирамиду с утяжеленными основаниями и несколько облегченными верхними этажами.

В Хадрамауте повсеместно — и в городах и в небольших деревнях — сегодня ведется строительство или ремонт таких жилищ. Ведь дома из сырцового кирпича разрушаются под воздействием ветра и редких здесь дождей, и в среднем каждые три-четыре месяца необходимо осматривать глинобитный небоскреб, заделывать трещины, заменять рассыпавшиеся кирпичи. Однако при хорошем уходе

построенные, казалось бы, из столь ненадежного материала дома стоят веками. Подобный метод строительства с применением необожженных кирпичей широко практиковался и в Средней Азии и в других странах Ближнего Востока, прежде всего в его безлесных районах, как, например, в Ираке. Из этого материала в Ираке делались и огромные холмы-зиккураты с храмами на вершине и скромные жилища простых земледельцев.

...Терим называют в Хадрамауте «городом науки», потому что здесь построены 360 мечетей. В мусульманском мире мечеть не столько место молитвы, сколько место, где собираются в пятницу мусульмане послушать проповедника, где работают школы по изучению Корана и собраны представляющие наибольшую ценность рукописи и книги.

Дорога идет к аэродрому Гураф, куда я прибыл из Адена, а затем мимо сухого русла Рудуд, где создано с помощью советских специалистов государственное хозяйство. На поле работает трактор, вокруг него суетятся люди. Мы останавливаем автомашину и знакомимся с крестьянами. Обсуждается вопрос, сколько посевного зерна нужно для вспаханного поля. Каждый высказывает свое мнение и, пытаясь убедить собеседников, отчаянно жестикулирует и призывает в свидетели Аллаха и пророка Мухаммеда. В ходе беседы знакомимся с крестьянином Салехом из деревни Хаджар-Сияр, центра среднего района пятой провинции, который подсаживается к нам в машину и просит довести его до Терима. Он рассказывает, что в его деревне много финиковых пальм, а на богарных землях выращивают пшеницу. В Хаджар-Сияре колодцы вырыты на глубину восемнадцати махдар. Махдар — «раскрытые руки» — весьма распространенная на юге Аравии мера длины, равная примерно двум метрам. На побережье Аденского залива этой мерой измеряют глубину моря, длину корабельного каната и якорной цепи.

— Если два года не бывает дождей, то плохо, — говорит Салех. — Приходится тогда спускаться в долину, чтобы не умереть от жажды. Нет, в Саудовскую Аравию наши не выезжают, — отвечает Салех на мой вопрос. — Из всего Хаджар-Сияра там работают, может быть, человек двадцать, не больше. Там плохо к нам относятся: если поймают без документа, сразу сажают в тюрьму.

Я пытаюсь представить себе, где же на карте находится Хаджар-Сияр. С помощью попутчиков устанавливаю, что деревня расположена на границе с пустыней Руб-эль-Хали, в нескольких часах езды от города Абра. В Южном Йемене после завоевания независимости происходит ломка социальных отношений в деревне, и мне интересно, какие же перемены произошли в этой далекой, затерявшейся деревне.

— Сейчас у нас хорошо, — говорит Салех. — Каждый год берут в школу детей, открыли медицинский пункт. Раньше один шейх решал все вопросы, а сейчас в деревне — комитет из трех человек. И правиль-

но! Разве может один человек справедливо решить какое-нибудь дело?! — спрашивает и одновременно восклицает он. — Раньше при обращении к определенным лицам я должен был говорить «шейх», «сейид» или «кади». А сейчас все обращаются друг к другу со словом «ахи» — «мой брат», — заканчивает Салех.

Мне любопытно услышать, что же знает о Советском Союзе этот полуголый крестьянин в короткой юбке из небольшой деревушки на границе с великой аравийской пустыней Руб-эль-Хали, деревушки, вырванной лишь несколько лет назад из средневековой спячки.

— А как же! — обижается Салех. — Конечно, знаем. Советский Союз наш друг. Ведь радио слушаем!

Действительно, радио раздвинуло горизонты и ликвидировало границы. И во время своих поездок по Арабскому Востоку я не раз убеждался в том, что многие, часто даже неграмотные люди глухих деревушек и селений знают о Советском Союзе, его внутренней и внешней политике, черпая эту информацию из передач Московского радио и других радиостанций нашей страны.

Незаметно за разговором с Салехом подъехали к Териму. Издалека виден ажурный минарет знаменитой мечети Мунзара, построенной семь веков тому назад, вокруг которой расположились дома представителей влиятельных семей «сейидов», ведущих, по преданию, свое происхождение от потомков основателя ислама пророка Мухаммеда. Глава одной такой семьи Абу Бакр аль-Каф владеет домом, который по своему внешнему убранству более богат и величествен, чем дворец бывшего султана в центре Терима. Семья аль-Каф даже чеканила свою монету, на которой были выбиты весы как символ справедливости. В домах некоторых сейидов хранятся ценнейшие рукописные памятники средневековой истории Хадрамаута и населяющих его племен. К такому выводу пришли ленинградские востоковеды Грязневич П. А. и Халидов А. Б., посетившие Хадрамаут в 1975 году.

Мы совершаем прогулку по улицам Терима, городскому рынку, рядам ремесленников. Навстречу попадают женщины, закутанные по мусульманским традициям в черное покрывало. Их лица закрыты таким плотным платком, что им приходится немного приподнимать его, чтобы видеть перед собой дорогу.

В Териме, как и в других городах Хадрамаута, влияние ислама сказывается особенно сильно на положении женщин. Народная власть ведет борьбу с вредными пережитками, и успехи в этом сложном деле довольно впечатлительны. Кроме обычного затворничества, характерного для мусульманских гаремов, в Хадрамауте, например, считалось предосудительным отдавать девочек в школы. Писать и читать их обучали дома. В 1971 году неполную среднюю школу Сейюна посещали восемь девочек, что уже считается крупным достижением. В мой последний приезд в 1981 году в женской школе

уже училось более пятидесяти человек, о чем с гордостью говорили представители местного отделения Йеменской социалистической партии. Даже замужняя женщина духовно больше связана с матерью и своими родственниками, чем с мужем и его семьей. И когда муж уезжает за границу на заработки, она, как правило, не едет с ним, а остается в Хадрамауте. Вот почему хадрамаутцы, работающие за границей, фактически имеют две семьи: в Хадрамауте, куда они наезжают во время отпуска, и в том месте, где работают. Иногда такие семьи «воссоединяются». Я видел в Хадрамауте братьев, один из которых был чистым арабом, а другой с ярко выраженными признаками монголоида — с раскосыми глазами и прямыми черными волосами. За восточной городской стеной Терима раскинулась большая деревня Даммун — родина доисламского поэта Имруль Кейса. Многие его стихи стали народными пословицами и поговорками, которые хорошо знают и любят во всех арабских странах. На горе, нависшей над деревней, расположена полуразрушенная крепость, где раньше размещались солдаты султана. Даммун же принадлежала другому султану, а стена, отделяющая ее от Терима, именовалась «берлинской». Что и говорить — население Терима было в курсе событий, происходящих в далекой Европе!

Сразу за стеной начинаются огороды, поля с пшеницей и клевером. Урожай на поливных землях собирают хорошие, и представители местных властей с удовлетворением отмечают, что «Хадрамаут сам себя кормит». Земля в окрестностях раньше принадлежала сейдам, и во время проведения аграрной реформы представители народной власти столкнулись с таким уникальным случаем, когда бедняки отказывались брать землю, «не принадлежащую им по праву». Более того, даже новые освоенные земли, лежащие в нескольких километрах от их деревень, крестьяне брали неохотно, так как не было хозяина, с которым можно было бы на основе мусульманского права подписывать контракт об аренде. Сейчас положение изменилось. Созданные с помощью советских специалистов госхозы стали центром передачи нового опыта хозяйствования. Крестьяне уже не такие забытые, как прежде, и всегда знают, куда пойти и где просить защиты от притеснения оставшихся богатеев.

На обратном пути из Терима в Сейюн я на каждом шагу замечаю приметы нового. Вот при выезде из Терима перебежала улицу «открытая» девочка в возрасте невесты, а крестьянин, встретившись с сейидом, не бросился целовать ему руку, а лишь немного наклонился в его сторону. Но невидимых примет еще больше. Сейчас уже и молодые мужчины требуют, чтобы девочкам давали хотя бы минимальное образование и не запрещали им общение с внешним миром. Ведь выросшая в полном неведении девушка не может быть ни хорошей женой, ни хорошей матерью, ни полноценной гражданкой демократического Йемена. В Сейюне, Териме и Шибаме активно

работают школы по ликвидации неграмотности, и скоро все взрослое население Хадрамаута будет читать и писать. Все труднее мусульманским священнослужителям собирать в мечети вечером мальчиков для изучения Корана или молитвы — ведь одновременно с этим демонстрируются фильмы в кинотеатрах. Народной власти в Южном Йемене еще предстоит немало сделать, но Хадрамаут сегодня уже проснулся от средневековой спячки, повернулся лицом к нашему времени с его радостями, проблемами и надеждами.

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

Всего сорок минут потребовалось, чтобы перелететь на маленьком самолете из Адена в Сану, столицу Йеменской Арабской Республики. Этот короткий рейс лишний раз убеждает в том, что йеменский народ, живущий сегодня в двух государствах, имеет общие исторические корни и его стремление создать единое государство логически обоснованно и оправданно.

Раскол Йемена лежит на совести английских колонизаторов. Пробивая путь в Индию и стремясь обеспечить его безопасность, англичане создали целую сеть опорных пунктов, призванных защищать английские суда, доставлявшие в метрополию награбленное добро. Гибралтар, Мальта, Кипр, Суэцкий перешеек, остров Перим и, наконец, Аден — последняя точка в системе «имперских коммуникаций». В 1802 году англичане взяли в аренду участок земли в бухте Тавахи для устройства угольного склада, затем потребовали принять солдат для его охраны. Получив отказ, в 1839 году под предлогом наказания лиц, ограбивших севшую на мель бомбейскую фелюгу, они захватили Аден и превратили его в колонию. В течение последующих десятилетий методом «разделяй и властвуй» англичане создали буферную зону между горным Йеменом и колонией Аден. Вожди существовавших здесь небольших племенных образований подписали с Англией соглашение о протекторатах, по которым Лондон выступал от их имени на международном уровне и защищал их от внешней опасности. В обмен на эти услуги англичане также охраняли султанов, эмиров и шейхов двадцати пяти карликовых «государств» Южной Аравии от гнева собственных соплеменников и имамов Северного Йемена, не простивших отступников за сотрудничество с колонизаторами.

Северный Йемен практически всегда оставался независимым. Турецкие захватчики дважды оккупировали страну, но оба раза солдаты их гарнизонов сидели в немногочисленных городах, боясь выйти за ворота укрепленных крепостей. Остальная часть страны управлялась местными племенными и религиозными вождями.

Показательно, что имам Яхья еще до получения Северным Йеменом независимости в 1918 году был признан турками духовным вождем страны, а в 1918 году был провозглашен ее суверенным правителем.

Все эти мысли мне приходят в голову в самолете, который медленно парит над безлесными горами, усеянными небольшими деревушками, перевитыми тонкими нитями горных троп. Где кончается демократический Йемен и начинается Йеменская Арабская Республика? Нет ни естественных рубежей, ни каких-либо видимых с небольшой высоты опознавательных знаков.

А ведь отношения между двумя йеменскими государствами не всегда складывались удачно. В 1972 году и в 1979 году на границах происходили вооруженные столкновения, лилась братская кровь. Но очень скоро руководители двух государств пришли к выводу, что в основе этих конфликтов лежат проблемы, которые можно разрешить за столом переговоров. Я бы добавил, и нужно. С тем, чтобы понять, почему, достаточно ознакомиться с комментариями американской и реакционной печати, которая не скрывала своего ликования по поводу вооруженных конфликтов между двумя йеменскими государствами. Отсюда вывод: чем активнее враги йеменского народа пытаются столкнуть два государства, тем решительнее следует давать им отпор, тем больше такта и терпения следует проявлять и в отношениях друг к другу, чтобы обеспечить мир и спокойствие для развития своих государств, повышения жизненного уровня своих народов.

Посетить страну, где приходилось бывать ранее, всегда приятно, особенно если это связано с добрыми воспоминаниями. Посетить Сану, столицу Йеменской Арабской Республики, мне вдвойне приятно — ведь здесь прошла моя востоковедческая молодость, здесь мне двадцать лет тому назад довелось сделать первые шаги учено-арабиста и познакомиться с талантливым и гордым народом, встречи с которым остались в моей памяти на всю жизнь. В сентябре 1962 года в Сане произошло выступление офицеров йеменской армии, в результате которого монархический режим был свергнут и провозглашена первая республика на Аравийском полуострове. В начале 1963 года, проработав почти четыре года в Северном Йемене, я выехал на Родину именно с этого аэродрома в окрестностях Саны. Уже будучи в других арабских странах, я нередко сверял свои впечатления по йеменской мерке, и чаще всего они были в пользу йеменских друзей.

Дорога от аэропорта до города сейчас асфальтирована. На обочине красуется реклама новых гостиц — «Шератон», «Рамада-Хадда», «Саба», построенных уже в последние годы. В мое время в Сане был единственный гостевой дом, где всех постояльцев размещали и кормили за счет королевской казны. Здесь же находился импровизированный музей: одна небольшая комната, в которой в беспорядке были сложены алебастровые статуэтки и капители

колонн, найденные в развалинах древних городов, бивни слонов, подаренные королю Йемена императором Эфиопии, христианские иконы и другие предметы.

Вдоль дороги мелькают небольшие сады с закрывающими их от посторонних глаз глинобитными стенами и непременной сторожевой башней. Сейчас весна, и через провалы осевших кое-где стен видны нежная зелень виноградных листьев и высокие цветущие голубыми звездочками стебли египетского клевера и люцерны. При каждом таком саде имеется колодец. Раньше его отрывали вручную. Сейчас, когда воду качают мощные механические и электрические насосы, ее уровень быстро опускается. Подземный резервуар пресной воды быстро истощается, что вызывает большое и обоснованное беспокойство как правительства ИАР, так и простых йеменцев. Со мной в одном самолете прилетели советские специалисты, которые в соответствии с подписанным в сентябре 1981 года соглашением будут проводить гидрологические изыскания в окрестностях столицы и построят для задержки дождевых вод небольшие ирригационные плотины, чтобы снизить расход воды на орошение полей. Такие работы особенно нужны сейчас йеменцам, и именно советские специалисты их будут осуществлять. В этом я вижу не случайность, а закономерность. Ведь недаром, говоря о советско-йеменской дружбе, мы всегда добавляем «традиционная», вкладывая в это слово особый смысл.

Отношения Советского Союза с Йеменом восходят к 1927 году, когда независимый Йемен перед лицом интриг Великобритании, захватившей южную часть страны, искал союзников и друзей для укрепления своих международных позиций. 1 ноября 1928 года в Санае был подписан Договор о дружбе и торговле между СССР и Йеменом, по которому Советский Союз признавал полную и абсолютную независимость Йемена. После подписания этого договора советско-йеменские отношения стали развиваться более успешно. Советские пароходы «Тобольск», «Ильич», «Михаил Фрунзе» доставляли в страну советские товары — спички, керосин, ткани, возили в Джидду и обратно йеменских паломников. В Ходейде советскими специалистами была построена первая электростанция, а в организованной советскими врачами больнице бесплатно лечили йеменцев. В 1929 году ныне покойный кинодокументалист Виктор Шнейдеров, который вел передачи «Клуба кинопутешествий», снял фильм о Йемене и написал книгу об этой удивительной стране, открывшей более полувека тому назад двери для представителей первой страны социализма.

После второй мировой войны наши отношения получили дальнейшее развитие. В 1955 году был возобновлен договор 1928 года и подписано соглашение об экономическом сотрудничестве. Конкретным выражением советской помощи йеменскому народу явилось содействие в строительстве современного порта Ходейды, о котором веками мечтал йеменский народ. После сентябрьской революции

Советский Союз признал республиканский режим, а 21 марта 1964 года был подписан новый Договор о дружбе, который действует и в настоящее время.

Как живет сегодня народ в Йеменской Арабской Республике, какие проблемы его волнуют, каковы приметы новой, республиканской жизни этой страны, как развиваются ее отношения с Советским Союзом?

Йеменский историк Хасан аль-Хамдани, тысячелетие со дня рождения которого по решению ЮНЕСКО отмечалось в Сане в октябре 1981 года, в книге, написанной в X веке н. э., приводит библейскую легенду, согласно которой первое поселение на месте нынешней Саны было основано Симом, сыном Ноя. Затем на этом месте был построен замок Гумдан, самая большая башня которого достигала высоты современного двадцатипятиэтажного дома.

Другой средневековый историк, Закария аль-Казвини, в своей книге «О странах и народах» пишет о столице Йемена следующее: «Сана — самый лучший город по своим постройкам, город с самым здоровым климатом, самой сладкой водой, плодородной почвой и наименьшим количеством болезней. Говорят, если водой порызгать в домах, то будет пахнуть амброй. Здесь мало болезней, мух и гадов». Он особенно подробно рассказывает об искусстве йеменских ремесленников, обрабатывающих полудрагоценные камни, в том числе и солнечный йеменский сердолик. Этот камень, вделанный в серебряные перстни, носят на Арабском Востоке преимущественно мужчины. По преданию, йеменский сердолик приносит счастье, охраняет от болезней и увеличивает мужскую силу. Недаром и сегодня в арабских странах лучший сердолик обычно употребляется с прилагательным «йеменский».

Однако в нашей жизни все относительно. Древние в своих суждениях отталкивались от знаний и представлений того времени о природе нашей планеты и нередко судили о климате по чисто внешним признакам. Действительно, в Сане, расположенной на высоте двух тысяч четырехсот метров над уровнем моря, температура летом редко поднимается выше тридцати градусов. Прохладная зима с небольшой минусовой температурой, несколько периодов дождей, пополняющих подземные резервуары центрального йеменского нагорья, сухость воздуха и безоблачные дни — все это создает первое благоприятное впечатление. Но в отличие от древних мы знаем, что это далеко не так. На уровне города Саны атмосферное давление очень низкое, содержание кислорода в воздухе на двадцать процентов меньше нормы, ниже плотность воздуха, выше его сухость. Поэтому лицам с гипертонической болезнью и сердечно-сосудистыми заболеваниями долгое пребывание в Сане, как считают врачи, противопоказано.

Город Сана делится на три части: старый квартал города, обнесенный глинобитной стеной, Бир аль-Азаб, где в прошлом жили турецкие чиновники и местные знать, и бывший еврейский квартал Каа Яхуд, все обитатели которого выехали в Израиль в 1948 году. Над городом возвышается гора Джебель-Нукум с построенной еще турками крепостью. В X веке во время войны между мусульманскими сектантами Сана была разрушена, но затем восстановлена вновь. Большинство построек старого квартала относится к средним векам. Этот квартал сохранился даже внешне в основном таким, каким он был в далеком прошлом, и поэтому объявлен по решению ЮНЕСКО заповедным.

Сгорая от нетерпения, я отправляюсь на прогулку по городу Сана. Толстые глинобитные стены с круглыми сторожевыми башнями все еще окружают старый квартал. Центральные ворота Баб аль-Иемен, выходящие на южный тракт, соединяющий Сану с Таизом, несколько подновлены и покрашены. Мне говорили, что лет десять тому назад было принято решение разрушить глинобитные стены, и в некоторых местах это сделали. Но вскоре эту операцию прекратили, так как, кроме всего прочего, необходимо было организовать вывоз многих десятков тонн земли и мусора. И стены остались.

В старом квартале нет ни одной европейской постройки. Нижние этажи пяти-шестиэтажных домов, постепенно сужающихся кверху, сложены из обтесанных камней, а верхние — из необожженного кирпича. Жилые комнаты располагаются в верхних этажах, где больше воздуха и света, а внизу размещаются различные подсобные помещения. Часто в богатых домах был небольшой внутренний дворик с колодезем, откуда при помощи бурдюка на длинной перекинутой через деревянное колесо веревке доставал воду осел или верблюд. Сейчас у каждого колодца тарахтит движок с насосом, подающим воду в оцинкованные баки на крышу для бытовых нужд и на полив сада и огорода.

Дома в старом квартале богато украшены орнаментом из белых, нанесенных известью полос и геометрических фигур. Несмотря на свою простоту и незатейливость, орнамент придает зданиям нарядный вид. Окна зданий также обводят белыми полосами. До последнего времени в окна вставляли тонкие алебастровые пластинки, дающие мягкий опаловый свет. Даже сейчас, когда стекло стало доступным всем, я вижу окна, в которых вместо стекол вставлены алебастровые пластинки. Видимо, осталось от прежних времен или дань традиции.

Центром кустарной и торговой деятельности Саны и одной из его достопримечательностей продолжает оставаться местный рынок в старом квартале. Однако лишь в некоторых переулках рынка, по существу, целого города в миниатюре, еще можно купить серебряные украшения, сработанные знаменитыми ремесленниками из городка Баусан, куски пахнущего мумиё или специй, доставленные в Сану из

стран Восточной Африки и Индии. Толпы европейских туристов, увешанные фото- и киноаппаратами, бродят по узким улицам старого рынка, особенно по его Соляному ряду, где скупают произведения йеменских ремесленников, затем вывозят их за рубеж без всяких ограничений, так как никаких запретов на экспорт изделий старины в ЙАР пока не существует. Пройдет еще несколько лет, и в Йемене трудно будет найти достойные внимания изделия йеменских ремесленников.

Приметы цивилизации заметны в старом квартале Саны повсюду. Кроме насосов, почти у каждого дома, смотря по достатку, стоит мотоцикл или автомашина. В узких улицах автомашины не могут разминуться. Поэтому одна заезжает в проулок, а вторая, обдирая краску с боков о глиняные заборы и каменные фундаменты домов, продолжает свой путь. Раньше веревку, открывающую засов делали из пальмовых листьев. Сегодня это нейлоновый трос яркой расцветки, вставленный в деревянный блок, сработанный ремесленниками. Этот же нейлоновый трос идет на изготовление сетки для кроватей, стоящих в многочисленных дешевых гостиницах.

В самом доме примет современности еще больше. Ковры машинной работы на полу, подлокотные подушки, набитые обрезками поролона, обязательный портативный магнитофон или приемник японского производства. Да что говорить о сегодняшнем внутреннем убранстве средневекового йеменского дома, если даже в мечети шагнула современность! Сейчас муэдзин себя не утруждает: он вставляет в магнитофон записанный на пленку призыв на молитву, и его голос разносится раструбами мощных громкоговорителей на несколько кварталов.

Реконструкция столицы ЙАР, строительство новых улиц и площадей, озеленение города, создание единой водопроводной и канализационной системы при сохранении традиционного средневекового колорита Саны, особенно ее старого квартала, волнуют всех йеменцев и особенно министра муниципалитетов и жилищного строительства Мухаммеда Джагмана, энергичного выпускника Пражского университета. Независимо от положения, достатка и образования каждый йеменец остро переживает, что столица государства все еще не благоустроена и ее общий вид вызывает неприличный шепот со стороны западников и арабов из нефтедобывающих стран, которые в последние годы на огромные доходы, полученные от нефтяных монополий, залили асфальтом улицы своих городов, соорудили замысловатые водонапорные башни, построили канализационные системы и другие городские объекты. Чувства йеменцев, так же как и причины отсутствия всех перечисленных выше объектов, вполне понятны и объяснимы. До сентября 1962 года монархический режим проводил политику «добровольной изоляции»: делал все, чтобы йеменцы не только меньше знали о других государствах и прогрессивных

политических идеях, но и меньше получали финансовой помощи, которую можно было бы использовать для развития страны в целом и городского хозяйства в частности. После революции 1962 года началась девятилетняя изнурительная гражданская война, одним из самых драматических эпизодов которой считается семидесятидневная осада Саны. Все это усугубилось отсутствием энергетических ресурсов, разведенных полезных ископаемых, остатками феодально-племенных отношений, тормозящими развитие сельского хозяйства, единственной производительной отрасли национальной экономики.

Но в последние годы страна сделала большой шаг вперед. Кроме новых гостиниц, проложены и асфальтированы дороги, связывающие наиболее крупные города страны. Молодые йеменцы, с которыми я беседовал, удивлялись, что на дорогу от Таизза до Саны в прошлом уходило восемнадцать — двадцать часов, а сейчас только три с половиной часа. Построено несколько зданий университета в Сане, школ, больниц, государственных учреждений, из которых особенно красиво здание Национального банка ИАР, созданное из красного известняка с соблюдением традиционных норм и канонов йеменской архитектуры. И в этом деле Советский Союз оказывает помощь йеменским друзьям. Горсовет Душанбе поддерживает связи с муниципалитетом Саны, и советский опыт по сохранению памятников национальной культуры в Средней Азии с одновременным развитием старых городов представляет большой интерес и для йеменцев.

Во время своей прогулки по городу я выхожу к старому трехэтажному дому в квартале Бир Азаб, называемому Бейт Харази, а чаще просто — Русский дом. Этот дом, принадлежавший йеменцу по имени Харази, в 1928 году был передан советским представителям и традиционно на протяжении почти более полувека сохраняется за нашими советскими специалистами. Старый, неказистый, сложенный из кирпича, с полинявшим белым орнаментом окон, он кажется мне родным и близким. Здесь бывали и работали советские дипломатические представители, заложившие фундамент советско-йеменской дружбы в тридцатых — сороковых годах: русский Георгий Астахов, башкир Керим Хакимов, украинец Александр Ступак, татарин Абдурахман Султанов и другие. Представители Советского Союза, разные по национальности, но единые в своих коммунистических убеждениях и помыслах, они начинали строить большое здание дружбы с йеменским народом и сделали так, что мы, их последователи и ученики, имеем возможность говорить сегодня о добрых традициях в наших отношениях, развивать многостороннее и взаимовыгодное сотрудничество и гордиться его результатами.

До революции 1962 года посольство СССР находилось в городе Таизз, резиденции умершего за неделю до революции имама Ахмеда. По согласованию с правительством Йеменской Арабской Республики наше посольство было переведено в Сану, историческую столицу Йемена. Нам предоставили имение принца Касема: три гектара земли,

трехэтажный дом традиционной йеменской архитектуры, сложенный из разноцветного туфа, с выносными резными балконами и цветными витражами, пять-шесть одноэтажных глинобитных строений и отдельно стоящая перед бассейном открытая веранда-библиотека. Так случилось, что я был первым советским человеком, который принял от йеменцев все эти строения.

Произошло это через несколько недель после антимонархической революции. Еще шла гражданская война и террористы из лагеря монархистов под покровом ночи проникали в город, бросали гранаты в дома членов республиканского правительства, обстреливали государственные учреждения. Рядом с именем Касема находилась правительственная радиостанция, охранявшаяся республиканцами, и почти каждую ночь здесь вспыхивала перестрелка. Уснуть в такой обстановке первые ночи было невозможно, и я сидел в этом особняке, закрыв тяжелые двери внизу на все запоры и засовы.

В доме когда-то размещалась египетская военная часть. На сером каменном полу коридоров валялись разорванные книги, груды свернутых трубочкой записок. Ночные часы тянулись бесконечно, и я, чтобы скоротать время, терпеливо принялся разбирать книжные завалы. Моя кропотливая и однообразная работа была вознаграждена неожиданной находкой. Среди деловых бумаг, касающихся сложных, запутанных отношений между Касемом, владельцем земли, и арендаторами, записок о поставках зерна и фруктов к столу принца я вдруг обнаружил пакет с фотографиями. На одной из них был изображен элегантный мужчина в европейском костюме и феске. На другой — опять тот же мужчина в национальном албанском костюме с огромным серебряным кинжалом за поясом, полулежащий на диване. Снова он. Рядом с ним женщина. У нее милое, типично славянское лицо. Лихорадочно перебрав оставшиеся снимки, нахожу еще одну небольшую фотографию этой женщины с трогательной надписью на русском языке: «Не забудь твою Ludmilla, которая тебя очень-очень любит. С.-Петербург. 1.IV.04». Затем мне попало еще несколько фотографий уже значительно постаревшего франта в турецкой феске, и, наконец, я наткнулся на его же фотографию, датированную 1947 годом. Да ведь это Рагиб-бей, бывший наместник турецкого султана в Йемене, перешедший на службу к имаму Яхье и исполнявший при нем вплоть до своей смерти обязанности министра иностранных дел. Именно в этом качестве он подписал Договор о дружбе и торговле с Советским Союзом 1 ноября 1928 года. Кое-что о нем я уже знал. Умный, образованный, владевший несколькими языками, он в молодости был дипломатом, служил в Албании, Сербии. В начале XX века Рагиб-бея назначили первым секретарем посольства Османской империи в Петербурге, где, судя по всему, он и познакомился с Людмилой Волковой. Кем была для него эта русская женщина? Как попали сюда, в дом принца Касема, эти фотографии?

Мои расспросы, впоследствии подтвержденные письменными источниками, позволили восстановить следующую картину.

После провозглашения независимости Йемена в 1918 году Рагиб-бей с несколькими своими чиновниками перешел на службу к имаму Яхье и остался в Сане. У него была жена, которая приехала с ним из Стамбула. Она не знала арабского и турецкого языков, и Рагиб-бей разговаривал с ней по-французски. Женичина родила двух девочек. Одна из них, Азиза, стала женой принца Касема, в дом которого и переехался Рагиб-бей, другая уехала в Стамбул. Азиза была светловолосой, говорила только по-арабски и считала себя турчанкой. Людмила Волкова умерла в начале 30-х годов, Рагиб-бей — в конце 40-х годов.

Многое мне стало ясным. И многочисленные конверты со стамбульским адресом, по которому писали Азиза и Рагиб-бей, и французские книги, и турецкие марки. И так, в 1927—1928 годах, когда Рагиб-бей вел переговоры о заключении Договора о дружбе и торговле с СССР, его жена была жива. Возможно, она видела советских представителей и вспоминала давно покинутый Санкт-Петербург, который уже именовался Ленинградом.

Официальная история делается и пишется живыми людьми. Хотим мы этого или нет, симпатии и антипатии, личные настроения того или иного государственного деятеля оказывают влияние, большое или малое, в зависимости от обстоятельств, и на формирование политической линии, определяемой, разумеется, объективными факторами. Размышляя об этом сейчас, я думал о Рагиб-бее, который по указанию имама Яхьи подписал с нами Договор о дружбе и торговле. Кто знает, может, Рагиб-бей был именно тем человеком, который исходя из своего опыта и знания России и ее политики на Ближнем Востоке и подсказал имаму Яхье установить — в пику англичанам — отношения с Советским Союзом.

Йеменцы являются одной из самых динамичных наций современного мира и иногда сравнивают себя с итальянцами, которые известны как вездесущие искатели счастья. Но йеменцы явно скромничают. На заре нашего времени, когда Италия была занята утверждением своего господства в Средиземном море, предприимчивые йеменские купцы бороздили бирюзовые воды Индийского океана и вели караваны по белым пескам Аравийского полуострова. Библейская царица Савская, движимая женским любопытством, как утверждают йеменцы, рискнула отправиться на верблюдах из йеменского города Марев в Иерусалим к иудейскому царю Соломону. Она не убоялась неудобств продолжительного пути протяженностью почти в три тысячи километров по пескам, бесплодным долинам и лавовым полям и может служить примером динамизма йеменцев и их легендарных предков.

Сегодня более полутора миллионов йеменцев живет во многих странах Азии, Африки, Латинской Америки и Европы. В американском Детройте на автомобильных заводах и связанных с ними предприятиях работают около 100 тысяч выходцев из Йемена. Они трудятся также на угольных копях в Кардиффе и на металлургических заводах в Шеффилде в Англии, рубят лес в бразильской сельве, имеют торговые дома на всем протяжении береговой линии Восточной Африки. Но больше всего йеменцев работает в соседних нефтедобывающих государствах. Только в Саудовской Аравии выходцев из Северного Йемена более одного миллиона. Они работают сельскохозяйственными рабочими, докерами, имеют небольшие лавки. Йеменцы не без оснований считают, что благосостояние всех нефтяных монархий Аравийского полуострова создано их трудолюбивыми руками.

Эмиграция из страны — вынужденная или добровольная — сложная проблема, имеющая свои демографические, политические, экономические и социальные причины. Что это — добро или зло для страны, выталкивающей лишние рты и рабочие руки за пределы своих национальных границ?

Абдалла Шамахи, йеменский поэт и историк, написал небольшую брошюру о йеменской эмиграции. Мы с ним знакомы более двадцати лет, и наша встреча с ним в 1982 году была необычайно теплой и дружественной. Впервые я его увидел в Таиззе на площади Урды, где он читал свои стихи. При режиме имамов он был членом королевской канцелярии, и, естественно, все его стихи были своеобразными панегириками правящей династии.

Несколько книг, написанных Шамахи при республиканском режиме, свидетельствуют о том, что славословия династии были обычной услонностью или своеобразной уловкой, скрывававшей его истинные настроения и взгляды. Он поддерживал антимонархическое движение 1948 года и 1955 года и сегодня не случайно занимает пост советника в министерстве юстиции ЙАР и избран в Учредительное народное собрание — высший законодательный орган страны.

Подняв назидательно перст, Абдалла Шамахи рассуждает о десяти волнах йеменской эмиграции, которой посвящена его последняя книга. Многочисленные ссылки на Коран и Библию, рассуждения о происхождении арабов и их влиянии на этническую историю соседних народов носят обычный налет исламских средневековых представлений, несколько наивных и для меня неубедительных. Но горячность, с которой отстаивает свои утверждения Шамахи о Йемене как центре древней цивилизации, оказавшем решающее влияние на развитие соседних арабских стран, подкупает и приковывает внимание и интерес.

Пожалуй, более верное представление о размерах йеменской эмиграции и ее влиянии на экономическое положение ЙАР могут дать

результаты полевых исследований в богатой сельскохозяйственной провинции Ибб, опубликованные в 1980 году на страницах декабрьского номера журнала «Йеменские исследования». Проведя работу в трех деревнях этой провинции, ученые пришли к следующему выводу: в первой деревне, состоящей из сорока домов, за рубежом работает сорок девять мужчин, из них тридцать шесть — в США. Вторая вытолкнула за рубеж сто двадцать три человека (восемнадцать — в США, остальные — в Саудовской Аравии). В третьей — из двухсот трех мужчин за рубежом работает девяносто восемь человек, в том числе в США двадцать два. Иными словами, половина, а то и больше работоспособного мужского населения этих трех деревень находится за пределами ЙАР. И это в богатейшей сельскохозяйственной провинции страны, где нужны руки для обработки земли, сооружения оросительных каналов, поддержания в порядке террас, сложенных из камней и заполненных плодородной землей из долин! Почему ушли эти люди? Не имели работы на веками обжитых местах или их поманила возможность легкого заработка? Такие социологические исследования не проводились, хотя они назрели не только в Йемене, но и в других развивающихся странах.

Ислам является государственной религией ЙАР, и рано утром в Санае вас непременно разбудит гнусавый голос муэдзина, призывающего правоверных на молитву с минарета одной из ста действующих мечетей. Представления ислама пронизывают общественную и личную жизнь йеменца: передачи радио и телевидения начинаются и заканчиваются чтением выдержек из Корана, мусульманское право — шариат положено в основу государственного законодательства, а положения ислама пронизывают проект Национальной хартии, который утвержден как идеологическая платформа, призванная сцементировать йеменское общество, страдающее не только от политических противоречий, но и племенных и феодальных пережитков.

Тринадцать веков активной деятельности исламских богословов привели к тому, что религиозность населения мусульманских стран значительно выше, чем в государствах, где распространено, например, христианство, а влияние богословов на общественную жизнь весьма значительно. Некоторые западные социологи пытаются утверждать, что приверженность исламу является чуть ли не национальной чертой народов Ближнего и Среднего Востока и любое ущемление их религиозных чувств следует рассматривать как ущемление их национальных прав. Такое смещение понятий совершенно неправомерно. Религиозность как приверженность той или иной системе взглядов не может считаться особенностью национального характера. Ведь не считаем же мы католицизм, например, национальной чертой итальянца?!

Наблюдая йеменцев в течение многих лет, постоянно общаясь с ними, я могу утверждать, что и сегодня фанатически настроенные

приверженцы ислама в этой стране, горящиеся тем, что еще при жизни пророка Мухаммеда в 630 г. н. э. они приняли его религиозную доктрину, являются исключением. Йеменец религиозен, ходит в мечеть, слушает проповеди и даже отдает своего сына в школу по изучению Корана, а дочери в девять лет приказывает закрыть лицо при выходе на улицу. Но это не принимает уродливые формы, и когда он оказывается в другой обстановке, когда соблюдение этих норм совсем необязательно, он легко от них отказывается. Десятки тысяч йеменцев, живущих в странах Западной Европы и Америки, спокойно нарушают ежедневно и ежечасно предписания и нисколько не чувствуют себя ущемленными.

В каждой стране есть силы, заинтересованные в сохранении тех или иных социальных институтов. Есть они и в Йемене. Сотни проповедников, по-своему образованных, с хорошо поставленными голосами, растолковывают положения Корана или же вопреки указаниям официальных властей ИАР берутся комментировать события внутренней и международной жизни. Наиболее фанатичные требуют удалить из национального ансамбля девушек и женщин-дикторов из местного телевидения, что якобы не соответствует законам шариата. А ведь все как раз наоборот. Во времена пророка Мухаммеда женщины ходили открытыми, принимали участие в военных действиях, и обычай закрывать лицо появился значительно позднее. Но самое, пожалуй, удивительное в том, что некоторые богатые арабские страны, которые оказывают помощь ИАР, пытаются увязать представление этой помощи с расширением пропаганды ислама и его традиций. Причем нередко средства на строительство мечетей или других религиозных учреждений предоставляются более охотно, чем на строительство промышленных объектов, а суммы, отпущенные на сооружение мечетей и религиозных школ, показываются в графе «экономическая помощь». Чего здесь больше — лицемерия или попытки использовать предоставление помощи для усиления своего влияния в стране?

Мне не раз приходилось в свой последний приезд говорить с йеменскими богословами на тему о выборе приоритетов в общественной жизни. Я упрекал их в том, что они часами могут толковать о понятии «судьба», или «божественное предопределение», на своих проповедях, но никто из них ни разу не использовал свой авторитет для борьбы с негативными явлениями в социальной жизни, хотя они всегда и охотно рассуждают о своем вкладе в социальное развитие страны. Никто из них ни разу не призвал своих прихожан соблюдать правила санитарии и гигиены, хотя от их несоблюдения в стране ежегодно умирают тысячи детей, особенно новорожденных. Мусульманские проповедники толкуют о райских куцах, но и слова не скажут о том, что Йемен, названный римлянами в древности за свое развитое земледелие «Счастливой Аравией», сейчас, по статистике ООН, входит в число тридцати самых отсталых стран нашей планеты.

Даже чисто йеменское негативное явление в социальной жизни — жевание листьев кустарника ката, содержащих наркотические вещества, остается вне сферы воздействия ислама, хотя, казалось бы, именно здесь, в этой области, проповедники, которых волнует, как они утверждают, социальное здоровье своей паствы, могли бы блеснуть красноречием и присоединиться к ведущейся на страницах йеменских газет кампании против употребления этого наркотика.

Утверждения о вреде ката всегда сопровождаются рассуждениями о пользе выращивания знаменитого йеменского кофе. Я это почувствовал на себе, когда по дороге из Саны в Таизз мои йеменские друзья остановили машину и, величественным жестом указывая на террасы, поднимающиеся от подножия до вершины горы и засаженные катом, сетовали на то, что культура кофе, давшая известность Йемену в средневековой Европе, постепенно приходит в упадок. Ведь и сегодня лучшие сорта кофе называют «мокко» — по имени небольшого йеменского порта Моха, откуда европейцы наладили впервые в начале XVIII века прямой экспорт кофе.

Мне на память приходит легенда о распространении кофе в Йемене, записанная в 1671 году маронитским монахом Антонио Фаусто Наироне. По этой легенде, послушники мусульманской обители Шахада близ Таизза и местные пастухи заметили, что козы, которых они пасли в горах, ночью ведут себя беспокойно, блеют, дерутся. Столь странное поведение животных было связано с тем, что днем козы ели темно-красные ягоды, в каждой из которых скрывались два светло-зеленых зернышка. Мусульманские мудрецы определили, что этот кустарник завезен в Йемен эфиопскими христианами, высажен на йеменской земле, но вскоре одичал. Они попробовали на себе действие отвара из зерен и убедились в его возбуждающем действии. Мусульманские мудрецы назвали это растение «кофе» по имени эфиопской провинции Каффа, откуда это растение было доставлено.

Кофе получил название вина мусульман, хотя именно в мусульманских странах в средние века употребление этого напитка запрещалось, а его любителей сурово наказывали. В 1511 году в Мекке во дворце Хейр-бека, наместника египетского султана, случился богословский спор о кофе. Он продолжался несколько дней, но богословы так и не пришли к единому мнению. Под давлением наместника, противника кофе, они лишь согласились считать кофе «нежелательным». Однако ретивый наместник послал свою охрану в город, которая разгромила несколько кофеен и их посетителей, заклочила в тюрьму. Употребление кофе в Мекке и Джидде было запрещено, и многочисленные караваны разнесли эту новость. Мусульманский мир скоро оказался расколотым на сторонников и противников кофе. И те и другие консолидировали свои ряды и лихорадочно подбирали доводы, доказывающие правоту их убеждений. Однако политические события вскоре заслонили эти

распри: в 1517 году турецкий султан Селим I присоединил к своей империи Египет и Аравийский полуостров. В Османской империи кофе считался напитком воинов, которых он поддерживал в период больших походов, а также философов, которым он прибавлял мудрости. Кофе стал национальным напитком турок и, так же как хлеб и вода, пользовался постоянным спросом. Позиции противников кофе были подорваны, и в 1554 году два сирийских купца открыли в Стамбуле, на берегу бухты Золотой Рог, первую публичную кофейню. Она именовалась «Мактаб аль-ирфан», что условно можно перевести как «Клуб образованных людей», а кофе стал называться «молоко шахматистов и мыслителей». Диковинный восточный напиток, впервые приготовленный в Йемене, постепенно входит в употребление и у европейской знати. В 1652 году открылась первая кофейня в Лондоне, в 1671 году — в Марселе, в 1672 году — в Париже.

Однако широкое распространение кофе в Европе связано с именем польского офицера Георгия Кольчинского. В августе 1683 года огромная турецкая армия во главе с великим визирем Кара Мустафой стояла под стенами Вены. Христианские государи Центральной Европы, считая, что падение Вены откроет туркам дорогу и в другие европейские страны, объединили свои усилия, чтобы дать отпор грозному противнику. Кольчинскому, находившемуся в осажденной Вене и владевшему турецким языком, было поручено передать депешу герцогу Шарлю Лоранскому, командующему объединенной армией союзников, состоявшей из поляков и отрядов германских князей.

Кольчинский блестяще выполнил поручение, и ему была обещана награда в 2 тысячи флоринов из тех трофеев, которые будут взяты у турок. В знак признания его заслуг было обещано также сделать его почетным гражданином Вены и выдать документ, разрешающий ему заниматься в городе любым делом, которое он сочтет для себя выгодным.

В результате ожесточенного боя поляки и немцы одержали победу. В руки победителей и изголодавшихся в долгой осаде венцев попала огромная добыча, в том числе пятьсот мешков темных зерен с приятным ароматом, назначения которых никто не знал. Правда, лейтенант, командующий отрядом баварских драгун, захвативших турецкий обоз, слышал, что этими зернами турки вроде бы кормят верблюдов, но, поскольку верблюдов в Европе нет, он приказал выбросить мешки в Дунай. В этот момент появился Кольчинский. Уж он-то знал об употреблении этих зерен и поспешил вмешаться. Бравому поляку не могли ни в чем отказать, и вскоре все мешки кофе, отбитые у турок, стали его собственностью. Кольчинский получил разрешение на открытие публичной кофейни в Вене, близ башни святого Стефана.

Богатые виноградники вокруг Вены были вытоптаны и сожжены турками, и ничего не оставалось, как вместо вина попробовать

напиток, приготовленный в таверне у башни святого Стефана. Но скоро разыгрался скандал. Слишком свежо было воспоминание о турецком нашествии, чтобы горожане, просидевшие в осаде несколько месяцев, могли спокойно дегустировать кофе по-турецки. Однако Кольчинский был не только храбрым офицером, но и предприимчивым дельцом. Если кофе по-турецки не нравится, будем готовить кофе по-венски, решил он. И вот в кипящую воду он засыпает кофе, фильтрует его, добавляет на чашку три ложки молока и немного меда, и кофе по-венски готов. Изобретение Кольчинского повергло в ужас пленных турок, но пришлось по душе венским мещанам. Когда же Кольчинский заказал булочки в виде полумесяца, патристические чувства венцев были вполне удовлетворены. Отныне редкий житель Вены отказывал себе в удовольствии выпить чашку кофе по-венски с булочкой в форме ненавидистого полумесяца, украшавшего знамена турок, шедших на приступ Вены.

Производство кофе в ИАР составляет сегодня немногим более двух тысяч тонн в год, и в Министерстве сельского хозяйства ИАР создано специальное управление, которое возглавляют энергичный Абдель Халим Абдалла и руководитель проекта Абдель Азиз Зарика. Управление имеет три питомника: в районе Анс, в Таиззе и в районе Внутренней Хеймы. Убежденность моих собеседников в правоте своего дела и настойчивость вызывают уважение и горячее желание чем-то помочь.

— Большинство деревьев кофе у нас в стране в возрасте пятидесяти—шестидесяти лет. Это значит, что они или уже не плодоносят, или вскоре перестанут это делать,— говорит Абдель Азиз Зарика.— Поэтому мы раздаем черенки из трех наших питомников, но ведь это мало! Агротехника остается та же, что и была сто, двести лет тому назад. Деревья на кофейных плантациях посажены слишком густо, ненужные ветви не обрезаются, удобрения, химикаты для борьбы с вредителями и болезнями не используются, и сейчас болезни, характерные, скажем, для одного района, распространяются в других. И главное — отсутствие воды. Нам нужны артезианские скважины и современные методы агротехники, если мы хотим вернуть славу йеменскому кофе.

Абдель Азиз замолкает, и его непосредственный начальник Абдель Халим пытается немного добавить светлых тонов в мрачную картину, нарисованную подчиненным.

— Нельзя сказать, что у нас ничего не делается,— начинает он издалека.— Ведь существуют уже три питомника, и десятки тысяч саженцев с 1970 года были розданы крестьянам горных районов. Мы просим создать еще пять новых питомников, организовать десять агротехнических пунктов, которые будут учить крестьян современным методам выращивания кофе, просим укомплектовать все эти организации специалистами и агрономами. Но есть вещи, которые от

нас не зависят. Знаете ли вы, что основной конкурент и, я бы сказал, враг йеменского кофе — кат?

Похожий на д'Артаньяна Абдель Халим вопросительно смотрит на меня, ожидая, по-видимому, что я как иностранец, малоосведомленный в привычках йеменцев, буду поставлен в тупик его риторическим вопросом о главном враге йеменского кофе. По правде говоря, что такое кат, я знаю, даже пробовал его, но мне интересно услышать мнение специалистов, и я, немного поколебавшись, отрицательно качаю головой.

— Так слушайте меня,— назидательно говорит Абдель Халим.— Кат растет на тех же землях, что и кофе. Но кофейные зерна крестьянин в лучшем случае получит после пяти лет напряженного труда. А кустарник ката через год, в худшем случае через два, уже можно обрывать и поставлять на рынок. Этот кустарник, можно сказать, сорняк, он встречается в диком виде и не требует ни ухода, ни особого полива и удобрений. Рост личных доходов за счет переводов эмигрантов из-за границы увеличивает число людей, которые могут позволить себе такое дорогое и сомнительное удовольствие. Знаете ли вы, сколько стоит килограмм кофе и пучок ката?

Я отрицательно качаю головой: действительно, кофе я не покупал, а кат если и жевал, то лет двадцать тому назад, да и то меня им угощали.

— Один килограмм кофе купец покупает у крестьянина за двадцать риалов, а пучок ката стоит пятьдесят—семьдесят риалов и дороже. Где уж крестьянину, выращивающему кофе, конкурировать с катом! Нужно государственное регулирование, государственные дотации и освобождение от налогов производителей кофе. Без помощи государства мы ничего не сделаем. У нас в стране сегодня хватают и других забот, но,— Абдель Халим повышает голос,— вернуть славу йеменскому кофе — наш национальный долг, долг нашей молодой интеллигенции и специалистов.

Через три часа тяжелой, утомительной, с крутыми поворотами дороги мы вырываемся из скалистых ворот на равнину Тихамы. Темное облако несется нам навстречу. Еще несколько минут, и лавина дождя обрушивается на машину. Вода идет сплошным потоком, и несколько грузовиков уже встали предсудомительно на скользкую узкую обочину. Другие продолжают медленно двигаться вперед с включенными фарами и бешено работающими «дворниками».

Особенность тропических ливней в том, что они идут полосами, внезапно начинаются и так же внезапно кончаются. У города Баджила несколько километров сухого асфальта, затем опять дождь, начинающийся медленно, с крупных больших капель, шлепающих по крыше и ветровому стеклу автомашины весомо, как расплавленный свинец.

Баджилъ — небольшой городок, который в мой первый приезд в Йемен был печально знаменит своей текстильной фабрикой,

построенной в середине пятидесятих годов сирийской фирмой и не выпустившей ни одного метра ткани. Вроде бы все было продумано и сделано: хлопок выращивают в Тихаме, потребность в хлопчатобумажных тканях существует — строй фабрику, обучи рабочих и налаживай производство. Но управлять таким не столь сложным предприятием и тем более организовать на нем рентабельное производство оказалось невозможным для монархического режима. Фабрику построили, но оказалось, что весь хлопок еще на корню скупался приближенным к королевской семье купцом Джабали и вывозился в Англию и Индию, откуда поставлялись дешевые ткани. Сам имам Ахмед, сидевший в то время на йеменском троне, получал какие-то отчисления от Джабали да еще имел доход от таможи, так как пошлины шли в государственную казну, которая была одновременно и личной казной имама. Но, пожалуй, кроме этого и других экономических факторов, существовали и другие факторы, политического характера. Для эксплуатации фабрики нужны были специалисты. Для их подготовки йеменцы должны были поехать за границу в Сирию или Ливан, некоторые иностранцы должны были приехать сюда, в Йемен. И то и другое было нежелательно для королевского режима. Йеменцы, выехавшие в другие арабские страны для получения специальности, вернувшись домой, сравнивали душную атмосферу средневекового деспотизма, даже не прикрываемого фиговым листком буржуазных лозунгов, с порядками тех государств, где они учились и получили образование. Что касается арабов из других стран, которые здесь работали, то им визы на въезд, как и всем иностранцам, давал лично наследный принц Бадр, бывший министр иностранных дел. Давал, разумеется, не всем, а выборочно и на короткий срок, чтобы, не дай бог, специалисты не обросли знакомыми и связями и не могли познакомить любознательных йеменцев с жизнью и порядками, существующими в других государствах. Опасения имама Ахмеда оказались оправданными: в сентябре 1962 года именно те офицеры, которые обучались в Ираке и других арабских странах, свергли Бадра, просидевшего на троне после смерти отца одну неделю.

Сейчас Баджилль несколько изменился. На холме слева каменной феской торчит средневековая крепость. Но Баджилль уже не тот сонный городишко, сомнительная слава которого связана с головоулыбством экономической политики монархического режима. Уже после революции здесь с помощью Советского Союза построен цементный завод. Сейчас он расширяется, и скоро будет пущена его вторая очередь. Отсюда двадцать пять километров до государственной фермы Сурдуд, тоже созданной с помощью советских специалистов. Через Баджилль тянется линия высоковольтных передач, на которой из Ходейды в Таизз и Дамар будет поступать электроэнергия от мощной тепловой станции. Здесь сооружается завод по производству томатной

пасты, и раскинувшиеся вокруг поля, орошаемые артезианскими скважинами, скоро будут засажены томатами.

Портовый город Ходейда традиционно считается местом, откуда начались наши отношения с Йеменом. Но сейчас, приближаясь к Ходейде и признавая, что многие факты советско-Йеменских отношений связаны с ним, этим городом, невольно хочется все же рассказать о Баджиле. Может быть, потому, что созданный в его окрестностях по соглашению 1964 года об экономическом сотрудничестве цементный завод, и сельхозферма в Сурдуде, и появление здесь советских специалистов внесли такие изменения, которые и сегодня продолжают оставаться определяющими для этих населенных пунктов и их общественной жизни.

Инженер Хлусов В. Б., старший группы специалистов по эксплуатации, ведет меня по этому предприятию мощностью пятьдесят тысяч тонн цемента в год. Завод, по нашим масштабам, крошечный, Хлусов был в Советском Союзе главным инженером на предприятии, производящем более одного миллиона тонн цемента в год. Но дело не в этом. Цементный завод в Баджиле — первенец национальной индустрии ИАР. Советская сторона обеспечивает техническое руководство, и он должен, естественно, работать хорошо и прибыльно. Вот почему специалист, которому по плечу и другое, более сложное и большее хозяйство, прислан сюда, в Йеменскую Арабскую Республику.

Мы проходим по территории жилого поселка и завода, засаженной эвкалиптами и акациями, осматриваем все участки производства: дробильную установку, вращающуюся печь, от которой даже сейчас, в сорокаградусную жару, пышет зноем, бункера и упаковочную машину. В очередь выстраиваются разномастные грузовики за цементом, который затем будет доставлен в Ходейду, Таизз, Сану и другие города страны. И вдруг мне приходит в голову мысль о том, что ведь в каждом йеменском доме, построенном уже после пуска этого завода, есть цемент, здесь произведенный. А это значит, что есть частица труда многонационального советского народа, труда наших специалистов, присланных сюда, в жаркую и душную красноморскую Тихаму, из разных уголков Советского Союза.

— Завод рассчитан на производство пятидесяти тысяч тонн цемента, — говорит Хлусов. — Однако благодаря нашим рационализаторским предложениям, новым компоновкам сырья и социалистическому соревнованию — мы далеко перекрываем нормы. В 1980 году мы дали семьдесят тысяч тонн, в 1981 году — семьдесят пять тысяч тонн, но можем дать и больше.

Я слушаю и поражаюсь. В далекой развивающейся стране, недавно сбросившей иго средневековой монархии, работают советские люди, работают в соответствии с нормами нашей социалистической морали. Ну, скажите, какой западный специалист будет организовывать

социалистическое соревнование или ломать голову над тем, как увеличить выход продукции на заводе, где он отвечает только за техническое руководство?! Причем делать это явно в ущерб своему отдыху и нередко даже добрым отношениям с другими йеменскими специалистами и администрацией, для которых любое новшество предполагает дополнительные хлопоты и неудобства?! Найти новые нейтральные добавки? Хорошо, но для этого нужно объездить все имеющиеся карьеры, исследовать образцы, разработать рекомендации и взять на себя ответственность предложить их и проводить в жизнь.

Я смотрю на Хлусова, который спокойно говорит об экономических показателях производства, о планах социалистического соревнования наших специалистов, и уже не удивляюсь. Это обычное явление — нормы нашей жизни, нашего отношения к труду перенесены сюда, в Йемен, где живут и работают советские специалисты. Как и на родине, здесь они должны выполнять план, добиваться увеличения продукции, снижения себестоимости, отмечать ударным трудом юбилейные даты в жизни своего народа. Причем йеменская администрация не заставляет их этого делать. Это норма жизни и работы советского человека, где бы он ни находился.

— Самая сложная проблема — рост цен на нефтепродукты, — говорит Хлусов. — Мы работаем на мазуте, а цены на нефть поднялись в четыре раза со времени пуска завода. Это ставит под угрозу рентабельность производства. Может случиться так, что цемент, скажем, производимый в соседней нефтедобывающей стране, будет дешевле нашего, баджильского. Но мы не собираемся сдаваться — у нас есть кое-какие идеи, которые хотим предложить йеменской администрации. Первенец национальной индустрии ИАР должен работать хорошо!

Меня представляют коренастому, судя по резким и отрывистым движениям, напористому человеку. Это руководитель группы строителей инженер Баглаев В. Я. Цементный завод в Баджילה не только работает уже несколько лет, но и расширяется. Вторая очередь, которая будет введена в строй в 1983 году, будет давать еще двести тысяч тонн цемента в год. Международные торги на строительство второй очереди выиграла пакистанская фирма, и на стройплощадке то здесь, то там видны многочисленные пакистанские рабочие в традиционных широких штанах и длинных рубашках.

Мы ходим с Баглаевым по примыкающему к действующему заводу пустырю, где уже видны очертания опор для большой вращающейся печи и других сооружений. Рабочих почти не видно — один-два сидят в тени деревянных ящиков, два других демонстративно отворачиваются и уходят в сторону.

— Рабочие бастуют вторую неделю, — говорит Баглаев. — Они требуют улучшения жилищных условий, медицинского обслуживания. Пакистанская фирма выиграла торги, так как предложила

половину цены, которую проसили за сооружение объекта западноевропейские фирмы. Эта «экономия» прежде всего за счет зарплаты и обслуживания рабочих.

На пустыре я замечаю несколько рваных армейских палаток с поднятыми пологам, где живут пакистанцы. Уже в городе, в лавке, куда мы зашли выпить пепси-колы, видел изможденных бедолаг из Пакистана, которых нагробовала по дешевке фирма. Они приехали сюда, и тех грошей, которые им платят, едва хватает, чтобы свести концы с концами. А ведь у них дома остались семьи, и каждая семья, отправив кормильца за рубеж, на заработки, надеется, что он вернется более обеспеченным, чем раньше. Но иллюзии рушатся, и тяжелые условия вынудили пакистанцев, рискующих очень многим, пойти на забастовку.

— Забастовка, естественно, тормозит ход строительства работ, — продолжает Баглаев. — Но, кроме всего прочего, не хватает строительных механизмов, да и самих рабочих недостаточно. Должны работать более тысячи человек, а здесь всего двести.

Но Баглаев не унывает. Он составляет план — расписание работ, утверждает его с представителем пакистанской фирмы и затем на планерке насаждает на бедного пакистанского инженера, требуя выполнения принятых обязательств. Он обращается через йеменскую администрацию завода в Министерство труда и социальных дел ИАР и просит не задерживать выдачу въездных виз пакистанцам. Он спорит и ругается с прибывшим из Карачи директором фирмы и добивается своего: рваные палатки меняются на легкие домики барачного типа, создается столовая и налаживается быт в поселке пакистанских рабочих.

Зачем же ему, Баглаеву, инженеру с огромным стажем, построившему цементный завод в Мали и несколько заводов в Советском Союзе, трепать себе нервы и наживать врагов? Я знаю, что его напористость нередко вызывает раздражение у пакистанских специалистов и некоторых йеменцев и не раз ему говорили примерно следующее: «Сиди и не дергайся. Советская сторона осуществляет только техническое руководство строительством, и она свои обязательства выполняет. Не будет рабочих рук, не будет построен завод к намеченной дате, это не ваша вина. Ответственность несут за это пакистанцы и йеменцы». По-видимому, так должно было бы быть, но не случилось. Видно, уже в характере советского человека, несмотря на частичную ответственность за строительство объекта, брать все на себя. Да, объект строят другие, но мы, советские специалисты, хотя и осуществляющие только техническое содействие, не намерены срывать намеченные сроки. И вот Баглаев ведет сложные переговоры с пакистанской фирмой и йеменской администрацией, стучит кулаком и добивается, что объект строится по графику и будет сдан в срок. В этом проявляются уже у другого руководителя те же самые качества

советского человека, его личная заинтересованность в порученном деле. Именно этим отличается наш советский подход к сотрудничеству с развивающимися странами, на мой взгляд, именно таким он и должен быть. Поскольку иной подход чужд советскому человеку, работающему за рубежом, так же как привычен для западного специалиста, прибывшего в другую страну, не помогать ей строить новую жизнь, а лишь пережить сложный период в своей личной жизни или заработать на старость.

Жизненная позиция этих двух советских специалистов, направленных на работу в ИАР, не является исключением. Мне рассказывали о советских врачах, работающих в госпиталях Саны и Ходейды, об их безотказном и бескорыстном служении йеменскому народу. Мне говорили о наших сельскохозяйственных специалистах, работающих в предгорьях на освоенных землях близ сухого русла Сурду. Возникший на этих землях поселок сейчас уже насчитывает пять тысяч человек, причем именно советские специалисты первыми познакомили окрестных жителей десять лет тому назад с передовыми агротехническими методами, дали питьевую воду и электричество. Социальное значение присутствия представителей многонационального Советского Союза в этом преобразованном йеменцами с нашей помощью районе, отстоящем на десятки километров от больших городов, трудно переоценить.

Примет советско-йеменского сотрудничества в ИАР сегодня очень много. Это и сотни военных и гражданских специалистов, подготовленных в советских вузах и техникумах, занимающих ответственные посты в армии и государственном аппарате. И современный порт Ходейда, в котором в конце 1981 года было закончено строительство с нашей технической помощью пятого причала. И расширяющийся цементный завод в Баджиле, и госферма в Сурдуде, и госпиталь, и три школы, построенные в дар йеменскому народу в Санае, Таиззе и Ходейде. И дорога Ходейда — Таизз, указатели на которой до сих пор написаны на двух языках — арабском и русском. Я проехал по этой дороге весной 1982 года и видел, как выцветшие буквы русского алфавита на указателе, стоящем у слияния дорог Ходейда — Сана и Ходейда — Таизз, кто-то из йеменцев любовно подновил белой краской — «До Ходейды 16 км».

В декабре 1982 года в Северном Йемене в центральной провинции Дамар произошло землетрясение. Подземные толчки, продолжавшиеся несколько дней и имевшие в эпицентре силу в 7 баллов по шкале Рихтера, разрушили убогие крестьянские домики, сложенные из грубо обтесанных камней, скрепленных глиной, без фундамента. Первый толчок пришелся на полдень, когда большинство обитателей, и прежде всего женщины и дети, сидели в домах за круглой миской хильбы, национальной кушанья йеменцев. И, может быть, поэтому именно среди четырех тысяч жертв большинство были женщины и дети.

Стихийного бедствия такого рода не было в Йемене более ста лет. Правительство приняло экстренные меры для помощи пострадавшим районам. Солдаты разбирали развалины, разбивали палатки, распределяли продовольствие, медикаменты. Международные организации и иностранные государства направили также свою помощь для пострадавших районов ЙАР. Советский Союз, верный своим дружеским чувствам, не остался в стороне. Пятьдесят советских специалистов сдали свою кровь для раненых йеменцев. Исполком Союза советских обществ Красного креста и Красного полумесяца направил специальный самолет с перевязочными материалами, медикаментами, палатками, одеялами и детским питанием. В Москве было принято решение передать в качестве дара народу ЙАР двести пятьдесят тонн арматурного железа и шестьсот кубических метров древесины — дар, действительно ощутимый в безлесном Йемене. В ЙАР выехали советские специалисты, которые подготовили рекомендации с учетом нашего опыта по сооружению сейсмостойких объектов и созданию национальной сейсмологической службы.

Национальная трагедия йеменского народа явилась для некоторых государств предлогом для дешевых политических спекуляций. В ЙАР из некоторых государств шли полупустые самолеты «с помощью» с тем, чтобы затем подчеркнуть, что, мол, мы направили столько-то самолетов, в то время как другие ограничивались одним-двумя. Среди продуктов питания и медикаментов, особенно из западных стран, немало было консервов и препаратов с просроченным сроком годности. Иными словами, сплавляли залежалый товар, и одновременно предпринимались попытки нажить на этом политический капитал.

Я уезжал из Северного Йемена с чувством радости и удовлетворения: преимуществом честной работы советских людей, дипломатов и специалистов в стране, отстоящей на шесть тысяч километров от Москвы, была видна везде и повсюду. И все йеменцы — от видных государственных деятелей до простых крестьян и рабочих, как все горцы, неспособные кривить душой и лицемерить, узнав, что вы из Советского Союза, не преминут выразить благодарность за поддержку сентябрьской революции 1962 года, за политическую помощь и экономическое содействие, которые оказываются на принципах взаимного уважения и невмешательства и не сопровождаются никакими политическими условиями. Именно в этом заключается сила советско-йеменской дружбы, которой законно гордятся народы великого Советского Союза и небольшой арабской страны на юге Аравийского полуострова.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

На самом юге Аравии	3
В долине средневековых небоскребов	17
Встреча с прошлым	26

Олег Герасимович ГЕРАСИМОВ

ИЕМЕНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Редактор Е. Ф. Олейник

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 09.09.83. Подписано к печати 14.11.83.
А 00748. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура
«Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд.
л. 3,17. Тираж 100 000 экз. Изд. № 2705. Зак. № 1419.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

САЛЮТ · 001

«Салют-001» — один из лучших отечественных приемников. В нем много сервисных устройств, делающих простой и удобной эксплуатацию аппарата.

Приемник работает в девяти диапазонах в том числе УКВ и пяти КВ.

Предусмотрены: электронная настройка и отключаемая автоматическая подстройка частоты во всех диапазонах; четыре фиксированные настройки в УКВ-диапазоне и четыре фиксированные настройки в ДВ- и СВ-диапазонах.

Приемник снабжен также системой автоматического выключения (таймером) с временем задержки выключения в пределах 10—45 мин.

При прикосновении к ручке главной настройки автоматически включается подсветка шкалы.

Цена — 343 руб. 80 коп.

УПРАВЛЕНИЕ «ОРБИТА»

